

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

**НЕСОСТОЯВШИЙСЯ
ПРОЕКТ**

-РАСПУТЬЕ- • -РУССКАЯ ТРАГЕДИЯ-

Александр Зиновьев

Несостоявшийся проект (сборник)

«АСТ»

2009

Зиновьев А. А.

Несостоявшийся проект (сборник) / А. А. Зиновьев — «АСТ»,
2009

В сборнике «Несостоявшийся проект» представлены две знаменитые книги А. А. Зиновьева – «Распутье» и «Русская трагедия». В них автор рассказывает об истинных причинах краха советской политической системы, анализирует различные периоды истории нашей страны и делает прогнозы относительно будущего развития России.

© Зиновьев А. А., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

РАСПУТЬЕ	5
Часть первая	5
О социальном статусе марксизма	5
О Сталине и сталинизме	9
Советский образ жизни	14
Советский вклад в социальный прогресс человечества	29
Имя века	34
Часть вторая	47
Горбачевизм	47
От коммунизма – к колониальной демократии	54
Завершение русской контрреволюции	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Александр Александрович Зиновьев

Несостоявшийся проект

(Сборник)

РАСПУТЬЕ

Часть первая

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

О социальном статусе марксизма

Вопрос о социальном статусе марксизма приобретает особо важное значение в связи с тем, что со всей очевидностью обнаружилось отвратительные язвы коммунистического общества, которое строилось и строится якобы по марксистскому проекту. Чтобы разобраться в этом вопросе, надо провести предварительно по крайней мере следующие различия: 1) между наукой, религией и идеологией; 2) между претензиями марксизма и его реальными делами, между его приспособительной формой и маскируемой сущностью; 3) между ролью марксизма в условиях, когда определенная категория людей ищет решения проблем буржуазного или иного несоциалистического (некоммунистического) общества и рвется к власти с намерением решить эти проблемы (по крайней мере для себя), и ролью марксизма в условиях общества, в котором он стал господствующей государственной идеологией, в котором определенного рода люди захватили власть и начали строить или уже построили новое, социалистическое (или коммунистическое) общество. Кроме того, надо делать различия между устойчивым ядром (сутью) марксизма и его вариациями в зависимости от места и времени.

С самого начала оговорюсь, что коммунистическим обществом я называю общество такого социального типа, какое сложилось в Советском Союзе и является классическим образцом для всех прочих стран, идущих по тому же пути (с незначительными отклонениями, обусловленными историческими особенностями этих стран, а отнюдь не переделками в их марксистских проектах). Впрочем, если кому-то такое словоупотребление не нравится, я на нем не настаиваю, ибо речь пойдет о более конкретном явлении – о марксизме.

Наука, религия и идеология не существуют изолированно друг от друга и в чистом виде, т. е. без элементов друг друга и без взаимного влияния. Религиозные учения претендуют на создание картины мира и на объяснение различных явлений природы и общества, религиозные организации выполняют идеологические функции, наука содержит многочисленные элементы идеологии, дает материал для последней и используется ею и т. д. Однако в наше время можно отчетливо видеть и различие этих явлений. Возникли антирелигиозные идеологии, необычайного развития достигла наука, отобрав у религии и идеологии функции познания окружающего человека мира и самого человека, утратили былую идеологическую роль многие религиозные учения и оттеснены на задний план истории и т. д. И можно достаточно определенно фиксировать различие функций рассматриваемых явлений в общественной жизни.

Задача науки – поставлять обществу знания, разрабатывать методы получения и использования знаний. Употребляемые в науке понятия имеют тенденцию к ясности, определенности, однозначности. А формулируемые в науке утверждения по идее (и в тенденции) допускают возможность проверки, т. е. подтверждения, доказательства, опровержения. Религия же имеет

дело с явлениями души, с религиозными чувствами людей, с верой. Идеология в отличие от науки конструируется из неопределенных, многосмысленных языковых выражений, предполагающих некое истолкование. Утверждения идеологии нельзя доказать и подтвердить экспериментально и нельзя опровергнуть – они бессмысленны. В отличие от религии идеология требует не веры в ее постулаты, а формального признания или принятия их. Религия невозможна без веры в то, что она провозглашает. Идеология же может процветать при полном неверии в ее лозунги и программы. Это очень важно различать. Часто приходится слышать недоумение по поводу такого факта: в Советском Союзе никто не верит в официальную идеологию, а между тем она там процветает. В чем дело? Да в том, что в идеологию не верят, ее принимают. Вера есть состояние человеческой психики, души. А признание (принятие) есть лишь определенная форма социального поведения. Когда верят в идеологию, то происходит историческое смещение, в результате которого идеология присваивает несвойственные ей как таковой функции религии. Когда доводами разума пытаются доказывать или опровергать принципы идеологии, то смешивают ее с наукой. Задача идеологии – не открытие новых истин о природе, обществе или человеке, а организация общественного сознания, управление людьми путем приведения их сознания к некоторому установленному общественному образцу. Идеология может начаться с претензией на то, чтобы быть наукой. Но, став идеологией, она теряет все основные признаки науки. Идеология может заимствовать из науки ее понятия и утверждения. Но, став элементами идеологии, последние теряют характер элементов науки, становятся неопределенными и непроверяемыми. В рамках идеологии могут высказываться научные идеи, суждения, гипотезы. Но они не определяют общую ситуацию в идеологии. Лица, высказывающие подобное, делают это не в качестве идеологов, а в качестве ученых, волею обстоятельств вовлеченных в идеологию.

Идеологические тексты и речи, конечно, действуют сами по себе на отдельных индивидов. Но не в этом специфический способ воздействия идеологии на людей. Идеология рассчитана на массы людей. А тут нужен специальный аппарат признания ее. Причем признания обычно без понимания, ибо понять в принципе невозможно или не стоит труда. Или не до этого. И признания без веры. И такой аппарат формируется. Его задача – принуждать людей к признанию идеологии, карать тех, кто сопротивляется. Конечно, в этом есть и элемент добровольности, ибо признание идеологии в условиях ее господства позволяет многим людям добиваться успеха в карьере и иметь какие-то блага. Для многих без признания идеологии вообще невозможно существование. Таким же аппаратом принуждения обладала в свое время, например, и христианская церковь. Но церковь сочетала в себе не только религиозные функции, но и идеологические. И порой использовала первые в интересах вторых. Возможность разделения и даже противопоставления этих функций обнаружилась сравнительно недавно, когда стали возникать антирелигиозные идеологии (марксизм, национал-социализм).

Обратимся теперь к марксизму. Исторически он возникал как претензия на научное понимание всего на свете. Известно, что Маркс даже математикой занимался. Хотя он так и не сумел разобраться в вопросах, теперь понятных даже бестолковым школьникам, соответствующие мудрые указания потомкам он все же оставил. Про Энгельса и говорить не приходится. Тот охватил все формы движения материи от механического перемещения до мышления. Объяснил возникновение семьи, частной собственности, государства. И наговорил во всем столько всякой ерунды, что теперь все академии наук мира надо было бы бросить на исправление его ошибок и нелепостей. У Ленина тоже: что ни слово, то вклад в науку. Он и логику ухитрился развить, не имея ни малейшего представления о современном ему состоянии логики, познакомившись с ней по гимназическому учебнику и из бредовых идей Гегеля.

С претензией на научность марксизм существует и теперь. Он декларирует себя в качестве науки, причем в качестве высшей науки, самой научной науки. Специалисты по марксизму готовятся в университетах внешне так же, как специалисты по физике, химии, биологии,

математике... Часто они готовятся вместе со специалистами для науки, в их среде, так что их различие обнаруживается лишь впоследствии, когда они начинают играть различные роли (когда, например, один физик начинает проводить исследования в области микрофизики, а другой пишет книги о значении высказываний Ленина и Энгельса для развития физики; когда один математик доказывает теоремы, а другой занимается демагогией насчет гениальных идей классиков марксизма в математике и рассматривает пару плюс и минус по аналогии с парой буржуазии и пролетариата). Специалисты по марксизму получают ученые степени и звания, избираются в академии наук и т. д. И надо признать, что кое-что в рамках марксизма делается такое, что похоже на науку и что можно рассматривать с научной точки зрения. Однако в главном и целом марксизм (по крайней мере в Советском Союзе) давно утратил признаки науки и превратился в идеологию в самом строгом смысле этого слова. Может быть, он является теперь самый классический образец идеологии. Такова ирония истории. Марксисты до сих пор настаивают на том, что благодаря марксизму философия впервые стала наукой. Фактическое же положение прямо противоположно этому: именно с марксизмом и в марксизме философия впервые в истории утратила качества науки и стала ядром и составной частью идеологии. Когда казалось, что философия достигла максимума научности, она на самом деле отделилась от науки на максимально далекое расстояние.

Стремление марксизма выгладеть наукой объясняется комплексом причин как исторического, так и социально-структурного (имеются в виду действующие сейчас причины) порядка. Наука приобретала, а в наше время приобрела такое значение в жизни общества, что выступать не от имени науки было бы просто старомодно. Были иллюзии, будто земной рай можно обосновать научно. Марксизм возникал в борьбе с религией и различными формами идеологии, связанными с нею, противопоставляя им научный взгляд на все происходящее в мире. Сама наука в то время имела такой вид, что провести четкое различие между нею и идеологией было невозможно. Это и сейчас еще не так просто сделать. В самых современных науках и сейчас всякого идеологического вздора появляется не меньше, чем в прошлые века.

Но главное, что определяет наукообразный вид марксистской идеологии в сформировавшемся коммунистическом (советском) обществе, – это ее фактическая роль в функционировании этого общества: роль средства управления массами людей, средства стандартизации их поведения, средства эксплуатации низших слоев населения высшими и т. д. Марксизм маскируется под науку, и благодаря этому ему легче изобразить сложившееся общество как высший и закономерный продукт объективных законов истории, изобразить деятельность руководства как деятельность от имени этих объективных законов, изобразить всякий корыстный интерес и идиотизм руководства как гениальное научное предвидение и т. д. и т. п. Первые годы (и даже десятилетия) существования советского общества для некоторой части населения (для большой и активной) марксизм играл роль, подобную религии. Была вера в его постулаты и лозунги. Он владел душами этих людей. Но постепенно эта вера испарилась (особенно после Второй мировой войны). И марксистская идеология, естественно, стала еще более интенсивно привлекать себе в сообщники науку, прикидываясь другом и покровителем науки и, само собой разумеется, высшей наукой. Одним насилем идеологию не навяжешь достаточно прочно. Веры нет. А в наш век научного безумия было бы непростительной глупостью для господствующей государственной идеологии не идти в ногу со временем.

Но марксизм возникал не только как претензия на научное понимание всего на свете, а и как выражение интересов и мечтаний угнетенных и обиженных классов общества, как выражение вековых мечтаний человечества о рае земном. А мечты и желания по своей природе не имеют ничего общего с наукой. Социальные мечты суть утопии. Превращение же утопии в науку исключено – об этом говорят настоящая наука и практический опыт человечества.

А тот факт, что марксизм не только в качестве могучей организации людей, но и по своему текстуальному виду не есть наука, можно установить путем анализа любых его понятий и

утверждений, начиная с понятия материи и кончая понятием «научного коммунизма». Ни одно понятие в марксизме (буквально ни одно!) не удовлетворяет логическим правилам построения научных понятий. Ни одно утверждение марксизма (не считая пустых банальностей) не может быть верифицировано по правилам проверки научных утверждений. Например, громя неудобных ему философов (а эти погромы основателями марксизма инакомыслящих суть теоретическая подготовка к будущим массовым репрессиям) и выдавая за свои открытия украденные у них мысли (что тоже в духе марксизма), Ленин дает «свое» знаменитое «определение» материи как объективной реальности, данной нам в ощущениях. При этом он наивно (т. е. по невежеству) полагает, что «материя» – самое общее понятие. Но даже начинающим студентам (а порой и школьникам) известно, что по правилам определения понятий выражение «объективная реальность» будет более общим, чем «материя», а оба выражения «объективная реальность» и «данная нам в ощущениях» с точки зрения построения понятий более «первичны», чем «материя». Я уж не говорю о том, что выражение «объективная реальность» ничуть не яснее по значению, чем «материя». Но такого рода глубокомысленные по видимости (и пустые по существу) выражения производят впечатление высокой науки. И нередко даже на крупных ученых. Впрочем, тут удивляться не стоит, ибо среди ученых кретинов встречается не меньше, чем среди представителей других профессий. Придумывая свой коммунистический земной рай (и называя свои вымыслы, естественно, научным коммунизмом), основатели марксизма и их последователи игнорируют тот факт, что наука невозможна, если не существует ее предмет. Но если даже рассматривать их «научный коммунизм» как проект будущего общества, то и тут можно увидеть игнорирование самих азов действительно научного подхода к обществу. Например, они совершенно игнорируют факт дифференциации общества на социальные группы и иерархию последних, неизбежное разделение общества на слои с различными жизненными условиями, разнообразие видов деятельности и социальных позиций людей, вследствие которых знаменитые лозунги «каждому по труду» и «каждому по потребности» либо превращаются в пропагандистские пустышки (если их понимать буквально), либо реализуются в форме, ничего общего не имеющей с их текстуальным видом (а именно – труд начальника оценивается выше, чем труд подчиненных, а потребности определяются в зависимости от социального положения индивидов).

Но самым сильным показателем того, что марксизм есть идеология, но не наука, служит отношение марксизма к опыту реальных коммунистических (или социалистических) обществ, которые считаются построенными по его проекту. Марксизм не способен отразить этот опыт даже на том интеллектуальном уровне, на каком он критиковал капиталистическое общество. Более чем шестидесятилетний опыт Советского Союза и опыт многих других коммунистических стран дал и дает совершенно бесспорные свидетельства о природе этого общества. Массовые репрессии, низкий жизненный уровень для большей части населения, прикрепление к местам жительства и работы, колоссальные различия в жизненном уровне высших и низших слоев населения, подавление всякого инакомыслия, отсутствие гражданских свобод, карьеризм, взяточничество, система привилегий, бесхозяйственность, расточительность на руководящие спектакли, милитаризация и т. д. и т. п. И как на эти факты реагирует марксизм? Советский марксизм (и марксизм других коммунистических стран) эти факты просто не признает, считая всякие разговоры о них клеветой на советский (или иной коммунистический) образ жизни. Западный марксизм уверяет, что западные коммунисты построят коммунистическое общество без этих недостатков и сохранив достоинства обществ западной демократии. Трудно придумать что-либо более несуразное именно с научной точки зрения. Именно научное исследование реального (а не выдуманного, идеологического) коммунизма могло бы без особого труда обнаружить, что все эти факты не случайны, что они вырастают из самих основ коммунистического строя жизни, что они суть неизбежные спутники реализации именно положительных идеалов марксизма. Хотя марксизм и начинал свою историческую карьеру с намерения

научно объяснить ход общественного развития, закончил он ее полным отказом от научного понимания общества, в котором завоевал роль господствующей государственной идеологии.

Я думаю, что нет надобности рассказывать о поведении марксизма в качестве идеологического диктатора в прошедшей истории Советского Союза. Оно всем хорошо известно. Это – подлости, подлоги, преступления... Если бы в деталях описать все содеянное идеологическим аппаратом марксизма за годы советской истории, даже враги марксизма не поверили бы в правдивость этой картины. Говорят, что марксисты руководствовались добрыми намерениями. Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад. Но утверждение о благих намерениях тут ложно. Никаких иных намерений, кроме пожеланий живых людей – участников этой марксистской армии идеологов – удовлетворить свои эгоистические потребности, тут не было. И быть не может по социальным законам истории. Я имею в виду нормальные социальные законы, а не ту бессмысленную марксистскую болтовню о законах общества, которыми задурили головы миллионам обывателей.

Марксизм оказался в высшей степени удобным в качестве идеологии побеждающих коммунистических режимов вовсе не потому, что он научен. Если бы он был наукой, да еще высшей, он успеха иметь не мог бы. На изучение науки, как известно, нужно специальное образование. Нужны годы и годы. Он оказался удобным именно потому, что породил огромный поток идеологических текстов, демагогических обещаний и лозунгов, похожих на науку, но не требующих никакой научной подготовки. При желании можно с поразительной быстротой научиться продуцировать марксистские тексты и речи абсолютно для любой ситуации. А для властей марксизм дает чудесный метод и богатую фразеологию для оправдания любой их пакости. Любой руководящий кретин может сделать вклад в «науку», если, конечно, ему позволят (или сочтут это нужным) его соратники. Именно неопределенность и бесформенность понятий, и бессмысленность утверждений марксизма, и необходимость не буквального его понимания, а истолкования делают его удобным для господствующих слоев общества, ибо истолкование марксизма становится прерогативой высшего партийного руководства. В марксизме написано такое множество разнообразных фраз, что на все случаи жизни можно выбрать подходящие фразы и истолковать их в желаемом духе. Эту работу и выполняет огромный марксистский идеологический аппарат.

Алкала, 1978

О Сталине и сталинизме

Оценка личности Сталина немыслима без оценки эпохи, неразрывно связанной с его именем, – эпохи сталинизма. Что такое Сталин без сталинизма? Человек невысокого роста. Недоучившийся малограмотный семинарист. Рябой. С грузинским акцентом. Был коварен, мстителен и жесток. Оставлял жирные пятна на страницах книг... А не слишком ли это жидко для характеристики человека, владевшего и до сих пор еще владеющего умами и сердцами миллионов людей?! После урагана разоблачений ужасов сталинского периода, который (ураган) начался со знаменитого доклада Хрущева и достиг апогея с появлением не менее знаменитого «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына, прочно утвердилось представление о сталинском периоде исключительно как о периоде злодейства, как о черном провале в ходе истории, а о Сталине – как о самом злодейском злодее из всех злодеев в человеческой истории. В результате теперь в качестве истины принимается лишь разоблачение язв сталинизма и дефектов его вдохновителя. Попытки же более или менее объективно высказаться об этом периоде и о личности Сталина расцениваются как апологетика сталинизма. И все же я рискну отступить от разоблачительно-критической линии и высказаться в защиту... нет, не Сталина и сталинизма, а лишь возможности объективного понимания их. Время эмоций на эту тему прошло. Настало

время не только обличать злодейство, но и подумать о его исторической сущности и истоках. Выросло это злодейство из темных душ кучки злоумышленников как некое отступление от благопристойных норм человеческой истории, или оно явило человечеству поучительный пример того, что на самом деле с необходимостью получается, когда самые светлые идеалы и мечты человечества воплощаются в жизнь, – вот в чем вопрос.

Кроме того, мне кажется, что я имею и моральное право на такой риск. Я с юности не питал никаких симпатий к Сталину и сталинизму. Еще в 1939 году я открыто выступил против культа Сталина, за что был исключен из комсомола и из института, направлен в психиатрический диспансер для обследования, а затем доставлен на Лубянку. В диспансере меня признали психически здоровым, чего не сделали бы в либеральные послесталинские времена. А из лап органов государственной безопасности мне удалось ускользнуть. И вплоть до хрущевского доклада моим тайным призванием была антисталинистская пропаганда. Должен признать, что я не был единственным в своем роде. В хрущевские годы дело критики сталинизма взяли в свои руки сами бывшие заядлые сталинисты, и мой антисталинизм утратил смысл. И я обрел способность отнестись к нему спокойно, т. е. не с ненавистью, а с презрением.

А моя мать до самой смерти (она умерла в 1968 г.) хранила в Евангелии портрет Сталина. Она пережила все ужасы коллективизации, войны и послевоенных лет. Если бы в деталях описать, что ей пришлось вынести, западный читатель не поверил бы. И все-таки она хранила портрет Сталина. Почему? В ответе на этот вопрос лежит ключ к пониманию сущности сталинизма. Дело в том, что, несмотря на все ужасы сталинизма, это было подлинное народовластие, это было народовластие в самом глубоком (не скажу, что в хорошем) смысле слова, а сам Сталин был подлинно народным вождем. Народовластие – это не обязательно хорошо. Зверства сталинизма были характерным выражением народовластия в тот период. И этому ничуть не противоречит то, что одновременно это было и насилием над самим народом. Народный вождь – это не обязательно мудрый и добрый человек. Иногда народные вожди бывают отпетыми мерзавцами. И иногда сами они глубоко презирают народ, ибо знают, что такое народные массы в реальности, а не в книжках и в доктринах. Именно Сталин, а не Ленин был народным вождем, ибо у Ленина тех гнусных качеств, какие приписываются Сталину, было недостаточно, чтобы стать народным вождем.

Чтобы ответить на вопрос о сущности сталинизма, надо установить, чьи интересы выражал Сталин, кто за ним шел. Почему моя мать хранила портрет Сталина? Она была крестьянка. До коллективизации наша семья жила неплохо. Но какой ценой это доставалось? Тяжкий труд с рассвета до заката. А какие перспективы были у ее детей (одиннадцать душ!)? Стать крестьянами, в лучшем случае – мастеровыми. Началась коллективизация. Разорение деревни. Бегство людей в города. А результат этого? В нашей семье один человек стал профессором, другой – директором завода, третий – полковником, трое стали инженерами. И нечто подобное происходило в миллионах других семей. Я не хочу здесь употреблять оценочные выражения «плохо» и «хорошо». Я хочу лишь сказать, что в эту эпоху в стране происходил беспрецедентный в истории человечества подъем многих миллионов людей из самых низов общества в мастера, инженеры, учителя, врачи, артисты, офицеры, ученые, писатели, директора и т. д. и т. п. Не играет роли проблема, могло бы или нет произойти нечто подобное в России без сталинизма. Для участников процесса это фактически происходило во время сталинизма и, казалось, благодаря ему. И действительно, во многом благодаря ему. Вот эти миллионы людей, вовлекавшие в сферу своих переживаний миллионы других, и явились опорой и ударной силой сталинизма. Конечно, не только реальные успехи людей, но и иллюзии играли тут роль. Но иллюзии не насчет марксистских сказок (в них верили мало), а насчет очень простых вещей: улучшения бытовых условий и душевных отношений между людьми. Для меня и многих моих сверстников отдельная койка с чистыми простынями и трехразовое, регулярное питание казались пределом мечтаний. Хотя многие из нас не верили в марксистские сказки и понимали суть реального

коммунизма, но и у нас были надежды на эту отдельную койку и сытный обед. Эти надежды пересиливали наше негативное отношение к нарождающемуся обществу. Хотели мы этого или нет, они связывались с именем Сталина. При оценке личности надо учитывать не только ее субъективные качества, но и то, как она отображается в сознании окружающих. А Сталин в сознании окружающих отображался не только и не столько как мерзавец, сколько как символ этого великого процесса. Это была серьезная история, а не просто насилие кучки жестоких злоумышленников над добрым и обманутым народом. Народ обманут не был. Не забывайте, что в самих массовых репрессиях сталинских времен, в которых пострадали миллионы простых людей, принимали активное участие миллионы других простых людей, причем одни и те же люди часто играли роль палачей и жертв. Эти репрессии тоже были проявлением самодеятельности широких масс населения. И теперь трудно выяснить, чья доля в них больше – доля высших злоумышленников во главе со Сталиным или доля этих широких якобы обманутых масс населения. Жертвы сталинизма – это лишь половина правды о нем. Есть другая половина, а именно та, что жертвы были помощниками и соучастниками своих палачей. Жертвы были адекватны породившей их эпохе. Ужас эпохи становления коммунизма состоит не столько в факте жертв, сколько в том, что получает преимущества, отбирается и выживает тип человека, готового пойти на жертвы и сделать своими жертвами других людей. Сталин был ярчайшим выразителем этой психологической революции. Мне кажется, что сталинские репрессии принесли Сталину больше божественного почитания, чем его неуклонная политика ежегодного копеечного снижения цен на продукты питания.

Сталин был преемником Ленина, а сталинизм – преемником ленинизма. Есть различные мнения об их взаимоотношениях. Одни говорят, что Сталин был верным учеником и продолжателем дела Ленина. Другие говорят, что Сталин изменил делу Ленина. Думаю, что те и другие по-своему правы. Но тут есть иной разрез понимания, который более существен для оценки Сталина и сталинизма. Я различаю две струи в том потоке жизни, который пронесся в Советском Союзе в результате революции, а именно – струю конкретно-историческую и струю общесоциологическую. В первой из них люди влезали на броневики, размахивали маузерами, захватывали телефонные станции, ставили к стенке, носились с шашкой наголо и с криками «ура»... Это было на виду. В другой струе в это время тихо и незаметно зрело новое дитя – будущее коммунистическое общество. Оно зрело самым прозаическим образом: создавались бесчисленные конторы и должности, рос и дифференцировался аппарат власти, запуская свои щупальца во все клеточки общества, присваивались чины, распределялись жизненные блага... Когда лавина драматической истории унеслась в прошлое и поднятая ею пыль осела, стало ясно, ради чего на самом деле произносились речи, сверкали клинки, гремели крики «ура». Реальное новое общество с его дотошной системой власти и управления уже родилось и выдвинуло на арену истории своих подлинных деятелей. Так вот Ленин и его гвардия представляли первую струю процесса, а Сталин со своими сообщниками – вторую. Почему-то, говоря о Ленине, считают уместным слово «гвардия», а говоря о Сталине, употребляют слово «сообщники». С именем Ленина связан лишь предреволюционный период истории партии и период физического выживания страны с младенцем нового общества во чреве. С именем Сталина связано становление нового общества, превращение слабого зародыша в могучее зрелое существо. Могучее, подчеркиваю, не обязательно хорошее. Крокодил, как известно, силен, но приятности в нем мало, если не считать того, что его шкура годится на дамские сумочки. Ленин есть предыстория реального коммунизма. Реальная же, собственная история коммунизма начинается со Сталина. Именно этим, а не отрицательными личными качествами объясняется победа Сталина и его сообщников (не гвардии, конечно) над Троцким, Зиновьевым, Бухариным и прочими болтунами из ленинской гвардии (само собой разумеется). Дело тут не в уме одних (Сталин, говорят, был куда глупее Троцкого) и в глупости других (Троцкий, говорят, был куда умнее Сталина). Дело в стечении обстоятельств. Дело в том, какие социальные силы выходили на

арену истории и захватывали инициативу в миллионах клеточек жизни гигантского общества. Сталинизм, а не ленинизм есть наиболее полное проявление сути коммунизма. Ленинизм есть лишь подготовка к сталинизму, есть лишь зародыш его, а еще точнее – лишь место, в котором зрел зародыш. И его постигла участь, какую он и заслужил исторически. Между прочим, мне недавно довелось перечитать некоторые сочинения упомянутых выше противников Сталина. Я не заметил абсолютно никаких интеллектуальных преимуществ их перед Сталиным. Я не хочу этим сказать, что Сталин был умен. Я хочу этим сказать лишь то, что его противники не были умнее его.

Раз уж речь зашла об уме, самое время сказать несколько слов о Сталине как теоретике. Общеизвестно, что Сталин якобы вульгаризировал марксизм. Но поставьте такой вопрос: что нового внесли советские философы в марксизм после смерти Сталина, если отбросить их безудержное словоблудие и всяческие пустячки? Попробуйте беспристрастно ответить на этот вопрос, и у вас, может быть, зародится сомнение в уместности тут слова «вульгаризация». Конечно, тут имела место какая-то вульгаризация отдельных мыслей основоположников марксизма. Но только ли это? И вульгаризация ли это на самом деле? О вульгаризации можно говорить, если первоисточники представляют собою вершины (или глубины?) премудрости. Но если рассмотреть эти первоисточники доскональным образом с точки зрения строгих научных критериев, то обнаружится, что и вульгаризировать-то нечего было. Было что очищать от словесной шелухи. Было кое-что, чему можно было придать удобоваримый вид, пересказав нормальным человеческим языком. Но вульгаризировать? Я не знаю, был ли Сталин сам автором приписываемых ему сочинений. Но одно я знаю определенно: сочинения Сталина и явились той живой мышью, которую родила гора текстов марксизма. Из последних для нужд великой идеологической революции, происходившей в стране, просто нельзя было выжать больше. А в качестве идеологических текстов, рассчитанных на миллионные массы населения с очень низким культурным уровнем, сталинские сочинения были наилучшими из всего того, что было написано в марксизме. Приписываемая Сталину работа «О диалектическом и историческом материализме» на самом деле явилась вершиной марксизма как идеологии, фактически до сих пор в Советском Союзе в основе всей идеологической работы, так или иначе, лежат результаты идеологической революции, осуществленной по крайней мере именем Сталина. Если хотите постичь самое глубинное содержание марксистского учения, прочитайте сочинения Сталина. Это нелепая иллюзия, будто в марксизме еще остались некие интеллектуальные высоты и тонкости, замолчанные или искаженные вульгаризаторами, будто существует некий истинный марксизм, не имеющий ничего общего с мрачными проявлениями его в качестве государственной идеологии коммунистического общества. Конечно, в сочинениях основателей марксизма есть кое-что, что может быть истолковано как явление высокой духовной культуры. Но это «кое-что» не есть специфический продукт марксизма. Это заимствовано у предшественников и современников, главным образом – в форме их погромов. Кстати сказать, погромы противникам, которые учиняли Маркс, Энгельс и Ленин в своих сочинениях, послужили своеобразной подготовкой для сталинских погромов в реальном коммунистическом обществе, победившем под идеологическим знаменем марксизма. Сталин был самым подлинным и верным марксистом. Когда ему отводят роль дьявола в сонме ангелов марксизма, то тем самым не очищают некий светлый марксизм от черных пятен сталинизма, а лишь стремятся спрятать подлинную суть марксизма, с поразительной полнотой и ясностью раскрытую Сталиным и его соратниками.

В сталинский период сложились все органы тела коммунизма и четко определились их функции, были выработаны все ритуалы и образцы поведения. После смерти Сталина произошли, конечно, некоторые изменения. Хрущев, например, ударился в несвойственную Сталину, ужасающую болтливость и начал мотаться по белу свету. Но образ Сталина все равно довлел над его сознанием. Брежнев претендует на роль второго Ильича. По болтливости и по склон-

ности к путешествиям он превзошел Хрущева, хотя по ораторским данным ему более подошел бы сталинский вариант. Но не требуется быть специалистом по психоанализу, чтобы заметить, что образ Сталина смолоду овладел душой Брежнева. Конечно, Хрущев пошел на разоблачение ужасов сталинизма, а Брежнев не отваживается на массовые репрессии даже против диссидентов, неслыханных в сталинские времена. Но есть ли это их личные качества? Антисталинистские настроения появились в стране и в партии задолго до хрущевского доклада. Последний в большей мере был итогом предшествующей истории, чем началом новой. Он был вехой в новой истории, а не движущей причиной. Движущие причины остались скрытыми. О них не хотят говорить даже диссиденты. Брежневский же «либерализм» также не есть личная его черта. Это – прочное завоевание господствующих слоев советского общества, которые лишь после смерти Сталина (т. е. с окончанием сталинского периода) почувствовали себя в безопасности.

В Советском Союзе официально считается, что в сталинские времена нарушались нормы партийно-государственной жизни, но что теперь с этим покончено. По этому поводу раздаются критические голоса. «Ничего подобного! – вещают эти голоса. – Упомянутые нормы и теперь нарушаются!» Эти голоса считают, что если в стране плохо, так, значит, нормы нарушаются. Но как официальная точка зрения, так и ее критика в данном случае лишены смысла. В настоящее время в стране плохо не вследствие нарушения норм партийно-государственной жизни, а вследствие их строжайшего соблюдения. Дело не в том, соблюдаются или нет нормы, а в том, что собой представляют сами эти нормы. А эпоха сталинизма была эпохой изобретения и утверждения этих норм. Дело обстояло не так, будто уже были некие нормы, когда пришел Сталин со своей бандой и начал нарушать их. Когда пришел Сталин, никаких таких норм еще не было. Они рождались и утверждались в том страшном процессе, который лишь впоследствии был истолкован как их нарушение. Нельзя было нарушить то, чего еще не было. Просто процесс становления общества имеет свои нормы, в соответствии с которыми вырабатываются нормы ставшего общества. Весь сталинский период проходил в точном соответствии с первыми.

Сейчас многие боятся поворота страны к сталинизму и связывают это с предстоящей реабилитацией Сталина. Страхи напрасны. Если реабилитация и произойдет, она будет половинчатой. Современные вожди коммунизма, как говорится, сами с усами, сами не прочь попасть в гении всех времен и народов. И им совсем ни к чему воскрешать конкурентов из страшного прошлого. А широкие массы населения сейчас уже лишены той власти над ближними, какую они обладали в сталинские времена. Эпоха буйного народовластия, к счастью, кончилась. А без самодетельности массы населения никакой сталинизм невозможен. Я не хочу этим сказать, что в Советском Союзе не будет происходить ухудшение жизни. Наоборот, такое ухудшение очень даже возможно. Но не всякое ухудшение есть возврат назад. Оно возможно и на пути неудержимого движения советского общества вперед к светлым идеалам коммунизма. Та мразь, в которую устремляется советский народ, будет новым творческим вкладом в славную историю коммунизма.

В характеристику личности входит все, так или иначе связанное с нею. Слухи, сплетни, легенды. Даже анекдоты. Обратите внимание на такой факт: о Ленине сложилась целая серия анекдотов, в которой Ленин выглядит комически. Анекдотов о Сталине было много. Но в них он никогда не выглядит смешным. Сталин – фигура, для насмешек почему-то неподходящая. Хрущев комичен. Брежнев комичен. А Сталин – нет. Вроде бы и бояться его теперь нечего: смейся, сколько хочешь! А не получается. Ходит слух, будто Сталина убили. Я в этот слух не верю. Скорее всего Сталин умер, а его соратники просто боялись войти к нему мертвому. Они были жалкими трусливыми ничтожествами и негодьями. А сам он был среди них негодяем и ничтожеством выдающимся. Но он стремился построить коммунистический рай на земле и сделать всех людей подходящими для этого. А если из его замыслов выросла ужасающе мрачная мерзость, так это шуточки неподконтрольной истории, а не продукт преднамерен-

ного умысла негодяя. Негодяйство вполне уживается со светлыми идеалами. Если последние хорошо оплачиваются, они даже светлее становятся. Сталин и его приспешники были негодяями, но негодяйство их особого рода: оно есть социальное негодяйство. Оно прет само из всех пор советского общества. Оно производится самим нормальным ходом жизни. Оно есть закономерный продукт светлых идеалов. Короче говоря, Сталин был адекватен породившему его историческому процессу. Не он породил этот процесс, но он наложил на него свою печать, дав ему свое имя и свою психологию. В этом была его сила и его величие. Не исключено, что молодежь еще будет когда-нибудь тосковать по сталинским временам. Народ (тот самый, якобы обманутый и изнасилованный) уже тоскует и встречает упоминание его имени аплодисментами. Но нынешние руководители страны и господствующие классы вряд ли допустят появление нового Сталина – новую угрозу их благополучию и безопасности.

Мюнхен, 1979

Советский образ жизни

Я не претендую на то, чтобы дать здесь полное и систематичное описание советского образа жизни. Я не хочу заниматься здесь ни разоблачением язв этого образа жизни, ни защитой его добродетелей. Я хочу лишь сориентировать внимание читателя в том направлении, которое, как мне кажется, более соответствует здравому смыслу в понимании важнейшей тенденции современности – тенденции к коммунистическому типу общественной жизни.

Проблема. Проблема советского образа жизни не есть нечто такое, что представляет интерес лишь для любителей экзотики или для представителей отвлеченной науки. Это проблема особая. Почему? Да потому, что Советский Союз осуществил великий поворот в истории человечества – осуществил великий коммунистический эксперимент, стал образцом для подражания многим другим народам и угрожает помочь всему человечеству установить или навязать силой изобретенный им строй жизни. Пора подвести итоги этому эксперименту и извлечь из него какие-то уроки.

Коммунистический социальный строй мыслился как преодоление всех язв обществ прошлого, как царство равенства, справедливости и изобилия, короче говоря – как воплощение всех мыслимых добродетелей и как преодоление всех мыслимых зол. А что получилось на деле? Устраняет ли это общество социальное неравенство или лишь меняет его формы? Устраняет ли оно эксплуатацию одними людьми других или изобретает свои особые формы ее? Порождает оно обещанное изобилие или, наоборот, дефицит всего необходимого? Порождает оно изобилие для всех или только для избранных? Является ли оно обещанным царством свободы или изобретает свои формы насилия и приумножает последнее? Что несет с собою это общество для народов Запада – прогресс или деградацию? Насколько предлагаемое им решение проблем Запада лучше жизни с нерешенными проблемами, т. е. стоит ли игра свеч? Каковы источники зол советского образа жизни и можно ли их избежать, сохранив его добродетели? Имеет ли Запад шансы избежать той же участи? Нет надобности, я думаю, продолжать список вопросов – они теперь на устах многих людей на Западе.

Такой подход к проблеме позволяет рассматривать советский образ жизни как целое, не раздробляя его на мелкие детали в бесплодных сравнениях с прошлым страны и с жизнью людей в других странах. Не составляет труда заметить, например, что мусульманские народы в Советском Союзе живут лучше, чем за границей, что культурный уровень населения советской России неизмеримо выше, чем России дореволюционной, и многие другие как положительные (с какой-то точки зрения), так и отрицательные сравнительные факты. Но при таких сравнениях ничего не остается от того, что характеризует советский образ жизни специфически. Лишь в сопоставлении с обещаниями идеологического коммунизма и с фундаменталь-

ными законами реального коммунизма отдельные факты советского образа жизни становятся деталями его единой картины.

Факты и их понимание. Проблема советского образа жизни не есть проблема описания ранее неизвестных и труднодостижимых для наблюдения фактов. Это проблема понимания того, что более или менее широко известно, что сравнительно легко доступно для наблюдения, угадывается или высчитывается при наличии очевидных данных. Здесь все самое существенное находится вроде бы на виду, а то, что скрыто от наблюдения, качественно не изменило бы общую картину страны, будучи предано гласности. Короче говоря, проблема эта социологическая.

Трудность понимания советского образа жизни состоит, как это ни странно на первый взгляд, в изобилии фактов всякого рода и в их кажущейся очевидности и бесспорности. Тут можно наблюдать факты, удовлетворяющие любой предвзятой концепции. Тут одним и тем же фактам можно подобрать взаимоисключающие истолкования, кажущиеся одинаково убедительными или одинаково неубедительными. Можно даже изобрести методы измерения и подсчета, которые придадут видимость научности этим предвзятым концепциям. Где же, спрашивается, лежит истина? Отнюдь не в соединении противоположных фактов и не в отыскании некоей «справедливой» середины – таковой вообще не существует в действительности. Чтобы постичь истину, мало видеть факты как таковые. Нужен еще определенный метод понимания этих фактов, нужен определенный «разворот мозгов», нужны определенные критерии отбора, оценки и сопоставления фактов. При всем изобилии сведений о советском образе жизни и доступности всего необходимого для наблюдателей основные черты этого образа жизни не увидишь просто так, т. е. в таком виде, чтобы их можно было сфотографировать. Они остаются тайной за семью печатями без упомянутого выше «разворота мозгов». Самым надежным хранителем тайн советского образа жизни являются не органы государственной безопасности Советского Союза, не цензура, не милиция, не пограничная служба, а отсутствие нужного способа понимания, нужного «разворота мозгов» в головах людей. По этой причине (да простит мне читатель!), рассказывая о советской жизни, я одновременно описываю тот «разворот мозгов», благодаря которому на нее открывается определенный вид. Картина советской действительности зависит не только от нее самой, но и от того, как вы ее разглядываете.

Старое и новое. Коммунистическое общество в Советском Союзе выросло, естественно, из того материала, какой поставила для этого дореволюционная Россия. И теперь многое в советской жизни выглядит как продолжение старых российских традиций, инерция и пережитки прошлого. Например, Россия испокон веков была бюрократическим государством, а революция лишь расчистила дорогу этой старой тенденции, многократно усилила ее. Российское население веками приучалось к покорности, крепостническому состоянию и крайне низкому жизненному уровню. Это благоприятствовало формированию нового строя и до сих пор дает ему богатые возможности для всякого рода экспериментов, для индустриализации, милитаризации, экспансионистской внешней политики. И уж совсем очевидно, что русская православная церковь и до сих пор еще значительное число верующих есть наследие прошлого. Одним словом, для очень многих явлений советской жизни можно найти аналогичные явления в прошлой истории. И кажется весьма соблазнительным объяснять их этой прошлой историей.

Современную жизнь советского общества, однако, ошибочно рассматривать как смесь и компромисс прошлых (отживающих) и нарождающихся явлений, а обращение к прошлому абсолютно ничего не объясняет в настоящем. Советское общество уже вышло из стадии нарождающегося. Оно стало вполне взрослым – полноценным обществом коммунистического типа. И завершилось это превращение в последние послевоенные десятилетия. А в развитом обществе все, доставшееся и оставшееся от прошлого, перерождается в собственный элемент этого общества, становится на службу настоящему, существует и функционирует на основе законов настоящего. Теперь важно уже не столько то, что это явление есть остаток прошлого, сколько

то, почему оно существует сейчас, какой вид приобрело в новом обществе, какую роль здесь играет.

Одни из этих явлений воспроизводятся в новом обществе с необходимостью. Они появились бы здесь, если бы их даже не было в прошлом. Такова, например, бюрократическая система. Другие не вытекают с необходимостью из основ нового общества, в какой-то мере даже противоречат им, но по тем или иным причинам сохраняются. Таковы, например, православная религия и церковь. Эти явления имеют различные функции в обществе и различные перспективы. Но они имеют общее: и те, и другие суть советские институты и учреждения. В советской жизни уже не осталось ничего принципиально важного, что можно было бы отнести за счет исторической недоразвитости нового общества, за счет его неспособности справиться с прошлым, заставить прошлое плясать под свою дудочку. По этой причине искать объяснения явлениям советского образа жизни в прошлой истории – значит уклоняться от самой задачи описания именно образа жизни. Советский образ жизни имеет свои основания в социальных законах настоящего советского (коммунистического) общества, а не в канувших в Лету явлениях прошлого.

Русское и советское. До сих пор еще существует убеждение, что русский народ был обманут и изнасилован злодеями-большевиками, в результате чего и сложилось советское общество. Но мол, русский народ скоро сбросит иго большевизма и пойдет по пути Запада (думают одни) или вернется в дореволюционное состояние (думают другие). Надежды эти совершенно беспочвенны. Современная Россия есть страна с высокоразвитой и сложной экономикой и культурой, с высокообразованным населением, которое не только не мечтает о возврате в прошлое, но пойдет на любые жертвы, только чтобы это прошлое не возвращалось. Решающая роль в современной России принадлежит людям, родившимся и выросшим после революции, приспособленным жить именно в такой социальной среде, воспринимающим ее как нечто естественное, а не как навязанное им по ошибке или обманом. Переиграть прошлую историю невозможно. Шансы для России пойти каким-то иным путем были упущены много десятилетий назад. Упущены раз и навсегда.

Коммунизм есть тип социального устройства, а не некая национальная черта. Опыт других стран показывает, что на основе коммунистических социальных отношений у представителей самых различных наций вырабатываются черты, аналогичные чертам русских людей, или, точнее говоря, получают благоприятную почву эти общечеловеческие (на самом деле) качества. Коммунизм принял и укрепил некоторые национальные качества русского народа как качества советского народа вообще, способствуя развитию этих качеств и в других народах.

Негативное и позитивное. В последние десятилетия сложилась традиция рассматривать в качестве правды о советском образе жизни лишь разоблачение вопиющих крайностей режима, политического гнета и убожества быта рядового населения, т. е. описание явлений сугубо отрицательных. Это создает у людей, не знающих реального состояния страны, иллюзию, будто советский строй находится на грани гибели. В самом деле, в стране постоянными являются экономические трудности, низкий жизненный уровень населения, отсталая технология производства, низкая производительность труда, бесхозяйственность, подавляются всякие формы протеста, нет никаких гражданских свобод, народ уже не верит в марксистскую идеологию (можно подумать, что он в нее когда-то верил вообще!) и т. д. и т. п. Спрашивается, неужели этого мало для того, чтобы народ восстал и сбросил режим?!

Иллюзия, надо сказать, слишком оптимистическая. Дело тут не в том, что в Советском Союзе нет таких отрицательных явлений, о которых говорят критики режима, – их там в избытке. Дело в том, что советский режим не сбросишь, ибо это есть не форма политического правления, а социальный строй жизни всего населения, опутывающий миллионами нитей тела и души людей в единое органическое целое. Несмотря на очевидные дефекты жизни и трудности, Советский Союз сейчас дальше от краха, чем когда-либо. Это грозный противник для

Запада, имеющий целью подчинение или разрушение Запада и уверенный в своей конечной победе. Надо познать источники его реальной силы и уверенности, а не упиваться иллюзиями, хотя и имеющими какие-то реальные основания.

В двух словах мой взгляд на соотношение позитивного и негативного в советском обществе заключается в следующем. Рай земной, который обещали классики марксизма, здесь построен на самом деле. Но с одним «маленьким» коррективом: он осуществлен в адекватной ему форме ада. Именно воплощение в жизнь положительных идеалов коммунизма имело необходимым следствием все те отрицательные явления, которые стали постоянным предметом разоблачений и критики. Дело обстоит не так, будто в этом обществе есть кое-что хорошее и кое-что плохое наряду друг с другом, – это слишком плоско. Дело в том, что благо здесь реализуется лишь в форме зла, а зло и есть то благо, которым гордится это общество. Хотите познать дефекты этого общества, смотрите на его достоинства. Хотите познать его достоинства, анализируйте его дефекты. Дефекты и достоинства этого общества – это суть одно и то же, рассматриваемое с различных сторон, проявляющееся в различных отношениях.

Возьмем, например, беспрецедентные массовые репрессии сталинского периода. Они – факт. Нелепо отвергать этот факт. Непристойно оправдывать его интересами революции и некоей исторической неизбежностью. Но резонно спросить о его самых глубоких основах и причинах. Что это – результат злого умысла отдельных мерзавцев во главе со Сталиным или чего-то более серьезного? Я утверждаю, что сталинизм явился классическим выражением доведенного до предела народовластия. Это была реальность народовластия, организация и будничная его жизнь. Преодоление сталинизма в хрущевско-брежневский период было одновременно ограничением народовластия. Или возьмем неравенство между различными слоями населения в распределении всяческих благ. Теперь это признается тоже как бесспорный факт. В чем основа этого явления? Плохие психологические качества отдельных людей? Гангстерские объединения? Ничего подобного. В основе этого неравенства лежит принцип распределения, справедливее которого история человечества еще не знала (о нем я скажу ниже).

Коммунистический тип общества в его классическом образце – в обществе советском – обнаружил свои многочисленные и страшные язвы, ставшие ныне общеизвестными. И главная проблема теперь – не бесконечное пережевывание все тех же или новых фактов этих язв, а выяснение природы и объективных их оснований. Эти язвы не являются всего лишь продуктом злого умысла или ошибок, наследия прошлого или национальных особенностей. Они не являются исторически преходящими случайностями, которых могут избежать более осмотрительные и добропорядочные западные страны. Они суть объективные проявления сущности коммунистического социального строя. Если не они, так другие, им подобные, если не в такой форме, так в другой, ей подобной, но реальный коммунизм без них просто немислим. Советский образ жизни с этой точки зрения есть классический образец для прочих. Смотрите, как живут советские люди, и имейте в виду: вы будете иметь примерно то же самое (чутьочку получше, может быть, но, может быть, и похуже), если вы последуете примеру Советского Союза, т. е. если и вы будете строить социализм (или коммунизм, что в реальности есть то же самое). Вы будете иметь все существенные достоинства этого строя, но за определенную цену, которую вы не будете в силах снизить, а именно – путем воплощения достоинств коммунизма в форме, которая воспринимается как недостаток. Реальная жизнь не есть бумажная гипотеза. Если на бумаге можно признать одно, отбросив другое, то в реальной жизни этого не сделаешь.

Основы коммунистического бытия. Основные элементы жизни людей в обществе суть деятельность по добыванию средств существования, социальное функционирование, бытовая жизнь, образование, культура, развлечения, спорт, идеология, короче говоря, все то, что так или иначе входит в жизнь людей в качестве более или менее важных и постоянных компонентов. Описать это – значит изложить целую социологическую теорию коммунизма как особого типа общества. Я ограничусь здесь лишь самыми первоначальными сведениями на этот счет,

причем не претендуя на академическую строгость и систематичность. Обычная схема советского общества такова: с одной стороны – народ, с другой стороны – власть с соответствующими органами управления народом и охраны общественного порядка. Если схема апологетическая – власть ведет народ к светлым идеалам общества справедливости и изобилия. Если схема критическая – власть угнетает народ и держит его в страхе. Однако реальное советское общество ничего общего с этой схемой не имеет. Ничего не значащей пустышкой является также официальное разделение советского населения на рабочих, крестьян и интеллигенцию.

Чтобы описать строение общества коммунистического типа, необходимо сначала выделить в нем самые минимальные части, обладающие некоторыми наиболее существенными чертами целого общества, – выделить его элементарные клеточки, кирпичики. Такую элементарную частичку общества образуют не отдельные люди, не территориальные единицы страны, не сложные ткани и органы (вроде аппарата партии), а относительно автономные учреждения, имеющие свою деловую функцию в обществе, свой управляющий орган (дирекцию), свою бухгалтерию, партийную и профсоюзную организацию и прочие элементы среднестандартного советского учреждения. Это – заводы, фабрики, институты, школы, больницы, магазины, рестораны и т. д. и т. п. Именно условия жизни и деятельности людей в этих клеточках и их взаимоотношения образуют основу всего того, что составляет специфический образ жизни людей в данном обществе.

Клеточки (первичные коллективы) выполняют определенные деловые функции, получая от общества для этого во владение необходимые средства (помещения, машины, транспорт, мебель и т. п.), а также средства для вознаграждения членов коллектива за их труд. Клеточка общества не является собственником средств, используемых ею для выполнения деловых операций, – в коммунистическом обществе ликвидированы отношения собственности вообще. Хотя здесь и говорят о «государственной собственности» и о «коллективной собственности» (в отношении колхозов), слово «собственность» в этом случае теряет строгий смысл. Здесь имеет место владение, но не всякое владение есть собственность. Советские колхозы, например, не могут продать никому даже клочка земли, которая им передана «в собственность» навечно. Таким образом, хотя клеточка и автономна до некоторой степени в исполнении своих обязанностей и в обращении со своими членами, она прочно прикреплена к целому. Она получает от целого питание (образно говоря) и отдает ему выделяемое ею. Она в своей жизнедеятельности находится под строжайшим контролем целого через специальные партийные и государственные органы, а также через систему управления группами клеточек, объединяющие клеточки в цельный общественный организм. По этой причине всякие попытки создания неофициальных объединений людей, не зависящих в своем функционировании от целого и не подконтрольных ему, не выполняющих в целом заданную функцию, не получающих от целого средства для этого и не подчиняющихся стандартам жизни в нормальных клеточках, означают образование в организме общества чужеродных клеток, опасных для его существования. Эти клетки, какие бы благородные цели ни имели их участники и организаторы, играют в данном обществе роль, подобную роли раковых клеток среди здоровых клеток живого тела. И удивительно не то, что в советском обществе ведут борьбу против диссидентских групп, а то, что эту борьбу ведут так лениво и нерешительно, – явная уступка общественному мнению Запада плюс некоторые корыстные расчеты в игре с Западом.

Взрослый работоспособный человек (а таковые образуют ядро населения) входит в коммунистическое общество не сам по себе, а через определенную клеточку общества, через определенный первичный коллектив. Причем входит в общество как частичка коллектива, как индивид, занимающий в коллективе определенное социальное положение. Через первичный коллектив, и только через него человек отдает обществу свои силы и способности, получая за это от коллектива, и только от него средства существования, возможности для социального функционирования и для жизни в бытовой сфере. Положение человека в обществе и судьба

его здесь зависят от его положения в коллективе. Коллектив, предоставляя человеку возможность трудиться и получать средства для жизни, здесь господствует над отдельным человеком. Потому здесь на деле, а не только в демагогии действует принцип: интересы коллектива выше интересов отдельного человека. Здесь не отдельный человек, а лишь целостный коллектив из многих людей есть полноценная личность. Отдельный же человек есть лишь частичная личность, есть личность лишь в качестве частички личности-коллектива. Конечно, из общего правила есть исключения. И кое-что люди получают независимо от клеточки-коллектива. Но рассмотренное выше отношение человека и коллектива является фактором, определяющим все прочие аспекты жизни людей, в том числе и отклонения от этой основополагающей нормы.

Закрепощение. В советской Конституции имеется пункт, гласящий, что граждане Советского Союза имеют право на труд. Этот пункт сформулирован явно с расчетом на пропаганду – на противопоставление коммунистического общества буржуазному, в котором бичом миллионов людей является безработица. Но по существу, этот пункт есть логический нонсенс. На самом деле граждане здесь обязаны трудиться, а обязанность эта есть в той же мере право, в какой обязанность солдат выполнять команды командиров есть право делать это. Конкретнее же говоря, обязанность трудиться означает то, что граждане должны быть прикреплены к определенному первичному коллективу и трудиться в качестве его членов. Если вы не числитесь сотрудником (работником) какого-то официально признанного коллектива, то вы здесь считаетесь уклоняющимся от трудовой деятельности (тунеядцем), хотя вы можете трудиться больше, чем члены коллектива. Вы можете быть паразитом фактически. Но если вы числитесь сотрудником официального коллектива, вы официально считаетесь трудящимся. В советском обществе имеется огромное количество целых первичных коллективов и должностей в первичных коллективах, в которых и на которых многие люди (счесть их невозможно) фактически ведут образ жизни бездельников и паразитов, получая за это вознаграждение, – одна из привлекательных для масс людей черт коммунизма.

Рассмотренная прикрепленность людей к коллективам не есть нечто выдуманное с какими-то темными целями. Она выражает фундаментальный факт положения человека в обществе; человек по идее не может жить, не будучи прикреплен к коллективу, ибо в идеале и в основе зарплата, получаемая в коллективе, есть единственный источник существования. Причем опытным путем находится и размер вознаграждения члена коллектива: человек должен регулярно получать это вознаграждение, чтобы постоянно жить на положенном ему уровне, т. е. чтобы он не мог на долгий срок оторваться от коллектива и от контроля коллектива за ним. Здесь невозможно описать социальные механизмы, определяющие такого рода явления. Но они существуют и действуют, обычно бессознательно и непроизвольно. Так, низкий жизненный уровень для массы населения и невозможность для них делать значительные сбережения есть проявление некоего «социального инстинкта» общества, а именно – инстинкта самосохранения, а не просто результат «временных» трудностей. Идея создания изобилия при коммунизме находится в вопиющем противоречии с фактической тенденцией этого общества к снижению жизненного уровня широких масс населения к допустимому минимуму.

Искушение. Анализируя жизнь людей на уровне клеточки, можно обнаружить то, что коммунистический строй есть в первую очередь соблазнительное искушение для них и лишь во вторую очередь новая форма эксплуатации и закрепощения. За право на труд, за гарантированную работу человек расплачивается обязанностью работать, прикреплением к официальному коллективу. За гарантированный отпуск и за путевку в дом отдыха человек платит примитивным обслуживанием в этом доме отдыха. За невозможность уволить рабочих с целью снизить себестоимость продукции общество платит существованием нерентабельных предприятий. За сравнительную независимость вознаграждения от качества и интенсивности труда общество расплачивается незаинтересованностью людей в повышении производительности труда и низкой зарплатой. За низкую квартирную плату и за гарантированное жилье люди расплачиваются

жалкими квартирными условиями и системой прописки, т. е. и территориальным прикреплением людей. Проблема улучшения жилья становится для многих людей одной из труднейших и важнейших, а перемена места жительства становится настолько трудной, что решаются на это лишь в случае крайней необходимости.

Помимо гарантированного минимума основных жизненных благ, отмечу еще два важных фактора жизни людей, делающих советский образ жизни таким, что люди, несмотря ни на что, уже не в состоянии от него отказаться. Я ввожу понятие степени вознаграждения, определяя величину ее отношением того, что человек получает за свой труд, к тому, сколько он сил отдает за это. Так, по моим подсчетам, степень вознаграждения в коммунистическом обществе в целом значительно выше, чем в капиталистическом, а обратная ей степень эксплуатации – ниже. Так что коммунизм действительно приносит людям облегчение условий труда сравнительно с капитализмом. Люди расплачиваются за это тем, что жизненный уровень имеющих работу здесь много ниже того, какой имеют работающие люди на Западе. Советские люди меньше имеют. Зато они еще меньше работают и имеют какие-то минимальные гарантии.

Второй соблазн – сравнительная формальная простота жизни, что выражается в незначительном числе документов, которыми опутывается жизненный путь людей, и ясность самих жизненных линий. Одним словом, это общество не есть средоточие одних недостатков. Оно есть средоточие недостатков, порожденных достоинствами.

Жизнь людей в первичных коллективах стандартизирована в масштабах всего общества. Если вы изучили строение и функционирование клеточки данного типа и данного уровня, вы заранее можете ожидать примерно то же самое в других клеточках того же рода. Это обстоятельство сдерживает стремление людей к перемене мест работы и способствует общей тенденции к прикреплению людей к местам жительства и работы. Население коммунистических стран менее мобильно, чем в странах Запада.

Коренное противоречие. Сравнительно низкий коэффициент эксплуатации (и соответственно высокий коэффициент вознаграждения) получается не благодаря заботе партии и правительства о благе народа, а в силу самих отношений людей в фундаменте общества и условий их деятельности. Для самой влиятельной части населения здесь величина вознаграждения фактически не зависит или зависит в ничтожной мере от затрат и качества труда. Она в большей мере зависит от социального положения людей и от их социальной активности (например, от демагогии, от холуйства перед вышестоящими). Потому здесь ослабевает или полностью пропадает заинтересованность массы людей в хорошей работе и возрастает заинтересованность в улучшении своего положения за счет иных средств жизни в коллективе, вызывающих видимое отвращение, но принимаемых в качестве нормальных на деле. Власти поощряют хороших работников, дабы создать примеры, улучшающие отношение людей к труду. Но за счет этого выгадывают лишь единицы. Большинство остается равнодушным, так как видит, что «овчинка выделки не стоит», т. е. что люди больше выгадывают другими путями, чем «честным и добросовестным» трудом. Люди на опыте также убеждаются в том, что успехи в карьере в большей мере зависят от умения делать карьеру в массе людей, чем от талантов и труда, например, от положения родителей, от знакомств, от анкетных данных, от поведения на собраниях, от лести начальству, от взяток и услуг, от доносов, от готовности предать того, кого выгодно предать, и поддержать того, кого выгодно поддержать.

Хотя власти поощряют соревнование между людьми в коллективах и между коллективами (это стало неотъемлемым элементом советского образа жизни), отношения между людьми и коллективами здесь в большей мере и более существенным образом определяются не конкуренцией за лучшее исполнение заданий, за лучшее качество и большее количество продукции, а взаимным препятствованием или связыванием. Дело в том, что для коллективов и для людей в них строго определены их функции, масштабы их деятельности, источники сырья, места сбыта готовой продукции, короче говоря, все основные элементы жизни и дея-

тельности, исключают практически частную инициативу и личный риск. Это сделано всякого рода планами и инструкциями, регламентирующими действия коллективов. Следствием всего этого являются показуха, формалистика (лишь бы отчитаться перед начальством), боязнь риска, незаинтересованность во введении и освоении новой, более совершенной техники, бессмысленные траты, очковтирательство, халтура, обман. Руководство стремится преодолеть эти отрицательные последствия коммунистической организации труда путем поощрения ударников (т. е. лучших тружеников), путем навязывания «социалистического соревнования», путем дотошной и громоздкой системы контроля и наказаний и другими путями. Конечно, это сдерживает катастрофические последствия самих объективных основ коммунизма, но в ничтожной мере. Разговоры о повышении дисциплины труда и производительности труда и о понижении себестоимости продукции, о более грамотном и культурном руководстве хозяйством, о скорейшем внедрении научно-технических открытий в производство являются навязчивой идеей руководства. Они суть показатели не достоинств коммунистического строя общества, а его неустранимых недостатков, преодолеть которые призывами вождей и идеологической обработкой населения, увы, невозможно. Так что величайшее достоинство коммунизма – относительное облегчение условий труда и обеспечение работой всех – неразрывно связано с его величайшим злом – с тенденцией к низкой производительности труда, к снижению качества продукции и к плохой (хотя и плановой) организации экономики страны. Сравнительно низкий жизненный уровень населения здесь объясняется прежде всего не дорогостоящей внешней политикой и милитаризацией страны, а именно рассмотренным органическим пороком этого общества. Чем дольше мир будет существовать без войн, тем отчетливее будет проступать этот порок. Объективно, независимо от воли и желания людей по этой причине страна заинтересована в мировых смутах и конфликтах, в завоевании новых земель, дабы иметь продукты питания и рынки сбыта плохой продукции. Лишь необъятные природные богатства, приученность населения к низкому жизненному уровню, эксплуатация союзников, выгодные отношения с другими странами мира, спекуляции на трудностях Запада и прямая помощь Запада спасают Советский Союз от грандиозного экономического кризиса. В особенности помощь Запада. Можно без преувеличений сказать, что Запад сам спасает и вскармливает своего потенциального могильщика.

Социальное неравенство. Уже на уровне клеточек очевиден факт различия людей по их социальным позициям. Основное из этих различий определяется отношением начальствования и подчинения. Можно упомянуть также различия в профессиональном уровне, в степени сложности овладения профессией, в престижности профессии, в степени ответственности и риска. Уже внутри клеточек складывается иерархия лиц, занимающих более или менее высокое социальное положение, – абсолютно неустранимая основа для социального неравенства во всяком сложном и дифференцированном обществе. Есть эта основа и в коммунистическом обществе. Причем здесь она оказывается единственной основой социальной иерархии. Общество в целом состоит из множества клеточек, которые, в свою очередь, образуют иерархию в системе начальствования и подчинения. Так что в результате в обществе в целом вместо обещанного социального равенства образуется многоступенчатая иерархическая лестница социальных позиций. Помимо того, что продвижение по этой социальной лестнице вверх само по себе представляет какой-то интерес для людей, оно существенным образом влияет на весь строй жизни людей, и прежде всего на их материальное положение и на надежность и уровень гарантируемых благ. Борьба за повышение социальной позиции становится основой основ жизнедеятельности наиболее активной части общества, навязывая соответствующую психологию всему обществу. В обществе воцаряется психологическая атмосфера, ничего общего не имеющая с радужными мечтаниями утопистов и «научно обоснованными» предсказаниями классиков марксизма. Советские люди шутят: если при капитализме человек человеку – волк, то при коммунизме человек человеку – товарищ волк. В жертву разыгрываемым тут стремлениям

и страстям приносятся абсолютно все человеческие ценности, выработывавшиеся веками. И все это прикрито покровом лицемерия, демагогии, формальных приличий. Что тут происходит, не заметишь с первого взгляда. Нужно долгие годы жить внутри советских коллективов, чтобы присмотреться и увидеть их скрытую жизнь. Хорошо известная морально-психологическая атмосфера в обществе, в котором условия жизни человека определяются деньгами, покажется вам романтической сказкой, если вы во всем объеме познакомитесь с той борьбой, которая в коммунистическом обществе ведется за социальные позиции, за связанные с ними блага. В обществе такого размера, как советское, в эту борьбу вовлечены десятки миллионов людей, ибо здесь именно социальное положение, а не деньги как таковые есть богатство. Эта борьба поглощает все силы и способности людей. Ей подчинено все остальное. Потому здесь борьба за некие человеческие права и гражданские свободы есть чуждое обществу явление. Здесь люди борются за эти права и свободы, но как за блага, которые они в той или иной мере и форме приобретают с повышением и улучшением своих социальных позиций. Вне этой реальности борьба за «права человека» и «демократические свободы» становится делом одиночек, по тем или иным причинам исключенных из нормальной жизнедеятельности в советских коллективах.

Распределение. Социальное равенство в коммунистическом обществе невозможно в силу самых справедливейших за всю историю человечества принципов распределения. Согласно официальной (марксистско-ленинской) советской идеологии на первой стадии коммунизма действует принцип «каждому по труду», а на второй (высшей) – принцип «каждому по потребностям». Очень хорошие принципы, не правда ли? Но одно дело – вид принципа на словах, и другое – в реальности. Можно, допустим, сравнить труд двух рабочих одной и той же профессии на одном и том же предприятии, двух бухгалтеров в одной конторе, двух профессоров в одном учебном заведении. А как сравнить труд рабочего, техника, инженера, директора завода, секретаря районного комитета партии, солдата, генерала, министра, дипломата, милиционера, музыканта? В реальности это сравнение осуществляется как сложный процесс жизни, как система проб и ошибок, как выбор людьми профессий, короче говоря, как процесс, который выражается практически действующим принципом вознаграждения за труд: каждому по его социальному положению. А с точки зрения индивидуальной судьбы людей этот принцип реализуется как принцип: каждый урывает для себя из производимых обществом благ то и столько, что и сколько он сумеет урвать, занимая данную социальную позицию. Жизненные блага в этом обществе не даются. Они берутся людьми с боем.

Точно так же обстоит дело с принципом «каждому по потребностям», который тоже фактически действует в советском обществе, что позволяет мне рассматривать это общество как полный коммунизм. Оставим в стороне довольно неясное понятие изобилия. Советские люди, попадающие на Запад, воспринимают западное изобилие как нечто сказочное, как сверхкоммунизм. Принцип «по потребности» означает удовлетворение не любых потребностей людей (в смысле кто чего пожелает), но потребностей, признаваемых обществом в качестве таковых, – общественно признанных потребностей. А общество в качестве потребностей человека данной социальной категории признает лишь то, что положено человеку фактически на этой социальной позиции. Члену Политбюро, например, положены особняки, подмосковные дачи, дачи на юге, личная охрана, личные продуктовые предприятия и многое другое. Это его потребности как члена Политбюро. Общество никогда не признает это в качестве потребности не то что рядового рабочего, но даже профессора, генерала, директора завода.

Именно соблюдение справедливых принципов распределения всех жизненных благ в обществе со сложным разделением функций и со сложной системой начальствования и подчинения порождает чудовищное неравенство в распределении этих жизненных благ – социальный закон, который не в силах отменить никакая партия, никакое правительство, никакое прогрессивное общественное движение, никакая реформа, никакая революция. Люди обре-

чены на социальное неравенство, на борьбу как против него, так и за его сохранение и упрочение. На этой основе в советском обществе сложились более или менее устойчивые (с тенденцией к наследственности) слои и группы населения различного уровня обеспеченности, привилегий, гарантий. В советском обществе есть сотни тысяч людей, которые живут отлично и хорошо, миллионы – которые живут неплохо и терпимо. Число министров, генералов, академиков, директоров, заведующих, партийных чиновников и прочих лиц, занимающих какие-то должности, здесь огромно. Если привилегированные слои общества рассматривать по аналогии с господствующими классами прошлого, то можно сказать, что коммунизм значительно расширяет господствующую часть общества. При этом он делает положение представителей господствующих слоев более устойчивым и гарантированным, избавляет их от личного риска и от личных потерь. Так что в этом обществе есть достаточно много людей, которые имеют право считать этот строй жизни своим.

Свобода и насилие. Об отсутствии демократических свобод и о подавлении всяких оппозиционных движений в Советском Союзе сказано достаточно. Не буду повторяться. Хочу обратить внимание лишь на одно чрезвычайно важное явление, о котором обычно все помалкивают. Оно состоит в том, что вся система насилия в советском обществе вырастает из самого фундамента общества, а именно – из факта насилия коллектива над каждым из своих членов по отдельности. Советские люди, сообщая насилуя каждого человека по отдельности, насилуют в результате самих себя. Специальные органы надзора и подавления (КГБ, МВД) суть лишь отчужденные коллективами и объединенные в масштабах страны функции первичных коллективов и массы населения вообще. Подавляющее большинство граждан лично со специальными органами насилия соприкасается редко или не соприкасается никогда. Они имеют дело непосредственно со своими начальниками и собратьями и с местной властью, которая выполняет в отношении их скорее бюрократические функции и функции охраны их интересов и общественного порядка. Лишь отдельные индивиды, которые нарушают общепринятые нормы поведения и с которыми не удается справиться внутренними силами коллектива, становятся объектом внимания и деятельности специальных органов власти. Для большинства же граждан, повторяю, высшей властью фактически являются члены их коллектива. Причем сами же они выступают в роли высших судей, когда дело касается других. Первичные коллективы обладают мощной властью, позволяющей им удержать поведение своих членов в нужных рамках, ибо от них в первую очередь зависит положение и судьба отдельных людей. Коллектив может помешать улучшить жилищные условия, увеличить зарплату, сделать шаг в карьере. От коллектива зависит возможность увольнения человека и предания его суду. Если коллектив дает плохую характеристику, все прочие аналогичные коллективы реагируют на нее одинаково. И без особой санкции вышестоящих властей бывает практически невозможно найти подходящую работу. Жизнь первичных коллективов организована так, что не какая-то внешняя, злая воля, а добрая воля масс населения лежит в основе всей системы насилия. Последняя есть лишь организация и суммирование доброй воли и свободы граждан. В общей сумме действий граждан абсолютное большинство совершается с пониманием их целесообразности и без ощущения принуждения – гегелевское изречение насчет свободы как познанной необходимости здесь очень близко к истине. Лишь ничтожная часть действий совершается как принудительная и вызывает протест.

Принудительный труд. Коммунистическое общество есть общество принудительного труда еще и в том смысле, что оно нуждается в армии рабов, которых можно было бы использовать в местах, где не хотят добровольно жить обычные люди, и на работах, которые не хотят выполнять обычные люди. На Западе на таких работах используют иностранных рабочих. В сталинские времена эта армия рабов пополнялась за счет массовых репрессий и бегства людей из деревень вследствие коллективизации. В Советском Союзе в настоящее время функции такой армии рабов отчасти выполняют заключенные. Их довольно много. Это не професси-

ональные преступники, а главным образом обычные граждане, совершившие бытовые или должностные преступления. Отчасти эти функции выполняют солдаты и женщины. Но совершенно поразительное явление тут, о котором мало что знают на Западе, это посылка многих людей на уборочные работы в деревню, на работу на овощных базах и в строительных отрядах. Это стало традицией. Люди идут на эти работы вроде бы добровольно. Но что это за добровольность! В учреждениях и на предприятиях людей специально выделяют для этого. И случаи отказа чрезвычайно редки. Многие соблазняются тем, что в городе сохраняется зарплата, и есть возможность провести «на воздухе» какое-то время и «погулять». Но большинство соглашается, зная о возможных неприятных последствиях отказа. Что здесь интересно – сама форма принуждения: последнее действует как добровольность.

Гражданские свободы. Те ограничения и запреты на поведение людей, которые сейчас принято рассматривать как нарушение неких «прав человека», действительно выражают сущность советского строя, но не в том смысле, какой буквально соответствует словесным формулировкам.

Возьмем, например, проблему свободы вероисповедания. Дело обстоит совсем не так, будто советские люди рвутся верить в бога и молиться, но зловерные власти репрессировали их за это. Конечно, в Советском Союзе ведется антирелигиозная пропаганда. Открыто верующие люди имеют меньше шансов преуспеть в жизни (за редким исключением).

Но не в этом главная причина антирелигиозного характера общества и атеистичности основной массы населения. Советские люди всей системой образования и воспитания и всей практической жизнью приучаются быть атеистами. В массе своей они не нуждаются в религии и не рвутся в нее, ибо существующие формы религии уже не отвечают типу человека этого общества и условиям его жизни. В первичных коллективах верующие люди суть редкость и не играют в них практически никакой роли. К религии обращаются главным образом люди, по тем или иным причинам выпадающие из активной жизни первичных коллективов. Старые религии и соответствующие организации, оставшиеся в наследство от прошлого, существуют тут до сих пор не потому, что общество не в состоянии с ними справиться. Как раз наоборот, они существуют именно потому, что общество с ними справилось и поставило себе на службу. Они уже не опасны существованию нового общественного устройства. Они полезны ему, отвлекая на себя определенную часть потенциальной человеческой активности, которая могла бы пойти во вред строю.

Возьмем другой пример – проблему свободы литературного творчества (как часть проблемы свободы слова). Существует убеждение, что советская литература находится под тяжким гнетом партийного руководства, идеологии и цензуры, чем якобы и объясняется ее состояние. Это убеждение поддерживают сами советские писатели: им хочется выглядеть талантами, которым советские условия мешают развернуться. Дали бы им свободу творчества, хочется им думать, они явили бы миру величайшие шедевры. Но это убеждение, увы, не имеет ничего общего с реальностью. Советская литература не есть нечто автономное, отделенное каким-то образом от остального общества. Она вкраплена в общество так, что ее, как весьма относительное целое, можно видеть лишь на писательских съездах, когда она под бурные аплодисменты избирает Политбюро в почетный президиум, посылает приветственное письмо высшим руководителям, клянется в верности партийной генеральной линии и совершает прочие акции, точно выражающие ее социальную сущность. Советская литература – это несколько десятков тысяч (попробуй сочти их!) писателей, которые не могут быть все талантами. Они в значительной своей массе могут быть только посредственностями, отобранными и обученными для исполнения определенных социальных функций, и главная среди них – идеологическая работа. Советская литература есть составная часть идеологического аппарата общества. Она сама есть сложная структура из множества организаций, с иерархией должностей, с характерной советской системой распределения благ, в том числе распределения почестей, славы.

Дело обстоит не так, будто талантливые советские писатели стремятся делать правдивую и высокохудожественную литературу, но партийные и государственные власти им не дают этого делать. Дело обстоит так, что бездарные в массе многие тысячи писателей сами представляют партийную и государственную власть в данной сфере общества, сами суть строжайшая цензура над самими собою и своими коллегами. Они сами суть сначала носители режима и лишь потом суть жертвы его – справедливая плата за то привилегированное положение, какое они имеют сравнительно с низшими слоями общества. Жертвами режима здесь являются лишь немногие писатели, которые стремятся прокладывать новые пути в творчестве и имеют для этого настоящие способности.

Ограничение или полное уничтожение свободы передвижений, слова, объединений и других свобод не есть нечто произвольно выдуманное кучкой плохих людей и навязанное хорошим людям силой. Это факт, выросший из недр жизни. Советские люди по опыту знают, что «дай нашим людям свободу», так тут жить нормально будет невозможно. Это только в демагогических призывах и в воображении людей, не живущих обычной советской жизнью, свободы выглядят как абсолютное благо. В условиях коммунистического общества они немедленно переходят в свою противоположность, порождая последствия, которые вызывают протест в широких слоях населения. Они ведут к нарушению самих принципов коммунистического образа жизни, его молчаливо признаваемой справедливости. Если, например, крупный партийный или государственный чиновник имеет отличную квартиру, дачу, машину и прочие блага, население воспринимает это как должное. Но если человек, не занимающий высоких постов, имеет эти же блага, это воспринимается как преступление. Само население доступными ему средствами (доносы, письма, заявления) стремится помешать своим собратям жить не по их официальному положению. Точно так же обстоит дело и с прочими ограничениями свобод и запретами. Дело не в нарушениях неких человеческих норм, а в самих нормах человеческого бытия, в соблюдении норм.

Известно, например, что для советских людей затруднены или исключены совсем поездки за границу. Допустим на минуту, что принято на высшем уровне решение разрешить советским людям поездки за границу столь же свободно, как в западных странах. Но это пока на бумаге. Надо еще организовать реализацию этого решения для огромного числа людей. На Западе не представляют, что это значит для советских людей – поездки на Запад, и не представляют, как это будет выглядеть в реальном исполнении. Тут расцветет такая мерзость, по сравнению с которой нынешняя система покажется вершиной нравственности. В советском обществе нет таких социальных механизмов и условий, которые гарантировали бы осуществление свобод в виде, адекватном их словесной формулировке, – вот в чем загвоздка. Борьба за ценности западного образа жизни на основе коммунистических социальных отношений есть дело долгой и кровавой истории, а не задача для правительственного решения или диссидентской демонстрации.

Культура. Советское общество есть общество высокообразованное. В Советском Союзе, например, читают больше (в некотором отношении, конечно), чем на Западе, и к книге относятся с большим почтением. Пропаганда, разумеется, использует это как «лишнее доказательство» преимущества коммунизма перед капитализмом. Но если проанализировать этот факт, то окажется, что тут вообще бессмысленно говорить как о недостатках, так и о достоинствах строя общества. Этому факту есть объяснение. Здесь затруднены или отсутствуют другие развлечения, подобные западным, книги дешевые, есть время и возможности для чтения. Очень многие читают во время работы, в транспорте, на который порою теряются долгие часы, в очередях. Или другой факт – число лиц с высшим и специальным средним образованием. В Советском Союзе многие посты занимают и многие деловые функции выполняют люди с образованием, хотя в этом практической надобности нет. В Советском Союзе, например, на заводе работает порою раз в пять – десять больше дипломированных инженеров, чем на аналогичном

предприятия на Западе. Тут есть свои минусы. В частности, низкая зарплата советских инженеров. Но есть и плюсы: значительно большее число людей приобщается к образованию, что повышает образовательный уровень населения в целом.

В последние десятилетия социальное неравенство все более отчетливо стало отражаться и в системе образования. Дети из привилегированных слоев имеют возможность получить лучшее образование и выбирать учебные заведения по своему вкусу и соответственно высокому положению родителей. Для детей из низших слоев уровень образования много ниже, возможности выбора профессии ограничены. Практически действует принцип, согласно которому дети рабочих и крестьян должны оставаться рабочими и крестьянами, тогда как дети из высших слоев уже не опускаются ниже достаточно высокого уровня.

Каждый тип общества вырабатывает соответствующий ему тип культуры вообще. Теперь можно говорить о советской культуре как о классическом образце культуры коммунистической (социалистической). Состояние советской культуры более или менее известно на Западе – она, можно сказать, налицо. Я скажу коротко лишь о ее социальной подоплеке.

Всякое подразделение общества надо рассматривать не только с точки зрения его очевидной роли в обществе, но и в том виде, как оно не столь очевидно существует для себя самого. В Советском Союзе имеются сотни тысяч писателей, художников, артистов, плясунов, музыкантов, певцов и прочих деятелей культуры. Все они относятся к числу творческих работников. Но творческий элемент в этой среде столь же ничтожен, как и в любой другой. Эта сфера деятельности привлекательна во многих отношениях, и в нее стремятся попасть миллионы людей, имеющих какие-то данные для этого и без таковых. Существуют многочисленные специальные школы, курсы, студии, кружки, которые отчасти помогают выявить и развить природные таланты, но которые в большей мере помогают заурядным от природы детям подняться до некоторого средне-общественного уровня одаренности и подготовиться к творческой деятельности. Что тут происходит с морально-психологической точки зрения, всеми тщательно скрывается. Как родители, так и дети проходят здесь мощную практическую школу коммунистической жизни и проявляют то, на что они способны в качестве граждан этого общества. Происходящее здесь настолько омерзительно, что невольно вспоминается тезис марксизма, согласно которому общество есть тоже форма движения материи. Кроме того, в этой сфере есть огромное количество должностей, которые вообще не требуют никакой предварительной в творческом плане подготовки, – директора, заведующие, администраторы, статисты, бухгалтеры, редакторы... Многие из этих должностей дают их обладателям блага, недоступные даже высокопоставленным партийным чиновникам, академикам и генералам. Центральной фигурой в этой сфере является человек сравнительно образованный, «натасканный», тщеславный и корыстолюбивый, рано познавший закулисную жизнь и подноготную общества, абсолютно циничный, готовый на любую допускаемую условиями пакость, чтобы урвать что-то для себя, ловкий, изворотливый, умеющий маскировать свою натуру.

Некоторые виды «творческой» деятельности находятся под особым покровительством властей. Таковы, например, балет, цирк, ансамбли песни и пляски. Они отвечают вкусам правящих кругов общества или являются элементом государственной политики. Так, советский балет долгое время служил целям пропаганды советского образа жизни на Западе. Советские танцоры не просто танцуют, а каждым своим движением доказывают правоту идей коммунизма и преимущество советского образа жизни перед западным. Особенность поощряемых и навязываемых государством форм «творчества» состоит в том, что они далеки от политики, идеологии и от самопознания общества. Но идеология так или иначе вторгается и в них, оказывая разрушительное воздействие.

Официально в Советском Союзе творчество не только поощряется, но даже вменяется в обязанность людям. Здесь от всех требуется «творческий подход» – от студентов, рабочих, руководителей. Рабочих призывают вносить рационализаторские предложения. Студен-

тов призывают делать вклад в науку уже с первых курсов институтов. Слушателей партийных школ призывают творчески развивать марксизм в их безграмотных рефератах, обычно переписанных из популярных брошюр. Но на практике все это вырождается в пустую формалистику и удушение реальных попыток творчества. Обещание идеологического коммунизма создать условия для всестороннего развития творческих потенций человека не может быть исполнено, если бы даже руководители общества искренне захотели этого: руководимые ими среднебездарные народные массы не позволят им совершать столь легкомысленные поступки. Но руководители общества по способу отбора их в руководители не способны захотеть такое. Они сами суть ярчайшие выразители господства серости и бездарности.

Идеология. Советское общество является идеологическим по той роли, какую в этом обществе играет идеология, какое значение ей здесь придается, сколько средств на нее тратится, как она влияет на сознание и поведение людей.

На Западе распространено мнение, будто советские люди уже не верят в марксизм и будто это есть признак слабости советского строя. Такое мнение свидетельствует о непонимании существа советской идеологии. Идеология не есть наука, хотя она (как это имело место с марксизмом) может возникать с претензией на науку и может использовать достижения науки (как это имеет место с советской идеологией). Ее задача – не открытие истин, а стандартизация и организация общественного сознания и управление людьми путем обработки их сознания. Идеология не есть религия. В идеологию не верят, ее принимают из рационального расчета, т. е. соглашаются ее считать тем, на что она претендует, и выражают это заметным образом. Ее усваивают так, что это сказывается в образе мышления и поведения людей, зависящем от социального расчета.

Марксистскую идеологию рассматривают как некий проект общества, по которому построено советское общество. Это предрассудок. Советское общество сложилось благодаря историческому стечению обстоятельств, благодаря опыту, стоившему огромных жертв, благодаря действию объективных социальных законов организации больших масс населения в единое целое, можно сказать, «вслепую». Марксистские тексты дали очень удобный фразеологический материал для создания единой государственной идеологии общества. Эти тексты были приспособлены к объективным условиям исторического процесса, переработаны, определенным образом истолкованы, дополнены. Марксизм дал имя советской идеологии, некоторые фундаментальные идеи, основы идеологического языка. Но советская идеология не сводится к марксизму. Достаточно сказать, что она включила в себя ленинизм и сталинизм (последний – в неявной форме), испытала на себе влияние развития советского общества и вообще человечества в последние десятилетия, вобрала в себя целый ряд достижений современной науки.

В советскую идеологию люди не верят в том смысле, что не верят в обещанный марксизмом земной рай, в изобилие всех средств потребления, в развитие всех творческих потенций людей, в подлинную свободу, равноправие и справедливость. Но советская идеология не сводится к этим обещаниям. Последние занимают в ней незначительное место. Основное содержание советской идеологии составляет учение о мире, об обществе, о человеке, о познании, о методах мышления. И хотя это не есть наука в строгом смысле слова, она прививает людям единое мировоззрение и стандартную интеллектуальную реакцию на все происходящее в мире – стандартный способ думанья обо всем. Как бы люди ни относились к идеологии субъективно, практически они всю жизнь живут в поле действия идеологии, постоянно вынуждаются думать в том духе, как это требуется идеологией. Они вольно или невольно проходят постоянную тренировку на идеологический способ мышления. И не в их власти избавиться от него. Даже тогда, когда они критически относятся к марксизму и к своему образу жизни, они думают все равно в категориях и формах идеологического мышления. Благодаря мощной системе идеологического воздействия на людей складывается некий интеллектуальный стандарт от рядовой уборщицы до Генерального секретаря КПСС.

Идеологическое мировоззрение и идеологически оправдываемые формы поведения являются более адекватными условиям жизни в современном обществе, чем религиозное мировоззрение и морально обосновываемые формы поведения. Добавьте к этому мощный идеологический аппарат и беспрецедентную в истории человечества систему идеологического воспитания и образования, от которой просто невозможно ускользнуть. Школа, институты, специальные учебные заведения, семинары, курсы, кружки... Идеологией пронизана вся культура (газеты, литература, радио, телевидение). Очевидно, никакая религия не в силах конкурировать с государственной идеологией, никакая другая сектантская идеология. Идеологически обработанному человеку легче жить в советском обществе. С другой стороны, руководству обществом легче манипулировать таким человеком, легче охранять единство, однородность и монолитность общества.

Советская идеология не есть идеология только партии. Верно, что идеологическая работа есть одна из основных функций партии. Но идеологической работой под контролем партии занимается вся сфера культуры. И объектом ее является все население страны.

Заключение. Советский образ жизни не есть нечто раз и навсегда данное и неизменное. Он сложился исторически, и сталинский период был его юностью, его формированием. Теперь он вступил в фазу зрелости. Но и зрелое состояние общественного организма есть постоянное изменение, что само собой разумеется. Какие бы изменения, однако, в нем ни происходили, незыблемыми остаются его основы, его законы, его основные тенденции. Бессмысленно рассчитывать на то, что это общество в силу внутренних причин и под благотворным влиянием Запада будет эволюционировать в сторону демократического общества западного типа. Наоборот, не представляет труда заметить, что Запад в силу внутренних причин и под влиянием дурного примера Советского Союза эволюционирует в сторону общества коммунистического типа. Советский Союз являет собою классический образец того, что ожидает Запад, если он будет до конца эволюционировать в этом направлении, если он не найдет в себе сил противостоять этой тенденции. Западные люди надеются, что, если им не избежать коммунизма, последний будет у них лучше, чем в Советском Союзе. Все может быть. Может быть, будет чуточку сытнее, чуточку занимательнее, чуточку ярче. Но эта «чуточка» не скроет принципиальных основ, которые не могут быть иными в силу неподвластных людям законов. И как знать, может быть, будет и чуточку похуже. Если, например, немцы возьмутся за это дело, они построят коммунизм, по сравнению с которым нацистская Германия покажется верхом либерализма. Советский коммунизм может оказаться мягче западноевропейского, поскольку русские все делают халтурно, в том числе и свой социальный строй.

Абстрактно рассуждая, наиболее вероятная перспектива коммунистического типа общества – развитие и укрепление тех тенденций, которые действуют постоянно, т. е. и сегодня. Среди них – расслоение общества на классы, социальное и материальное неравенство, привилегии для высших слоев и минимальные гарантии для низших, закрепощение всего населения, создание армии рабов, укрепление органов надзора и подавления, подавление всяких попыток оппозиции и сопротивления. Короче говоря, усовершенствованный сталинизм, впитавший в себя некоторые достижения послесталинского «либерального» периода, в особенности безопасность режима для господствующих классов. Конкретно рассуждая, наиболее вероятная перспектива – борьба между коммунистическими и некоммунистическими странами, борьба внутри коммунистической части мира, борьба внутри коммунистических стран – борьба всех против всех. Никакого идеального общества и идеального состояния для всех людей не было и не будет. Нынешнее благополучие Запада есть случайный и временный зигзаг истории.

Париж, 1980

Советский вклад в социальный прогресс человечества

Слово «коммунизм» употреблялось и употребляется во многих значениях. Я в свое время насчитал более сотни различных употреблений. Выбирать какое-то из них в качестве правильного – занятие бессмысленное и бесперспективное, ибо на этот счет никаких принудительных правил нет. К тому же во всех употреблениях этого слова, которые я рассмотрел, логические правила введения научных понятий не соблюдаются. Не соблюдаются они и в марксистской литературе. Это наносило значительный ущерб репутации марксизма. Знаменитое марксистское определение «полного» коммунизма через распределение «по потребности» стало предметом насмешек в самых широких кругах людей.

Состояние терминологии не есть нечто второстепенное, оно есть важный компонент самого способа исследования и понимания обозначаемых ею объектов. Я с самого начала моих размышлений на тему о коммунизме (а это началось еще в конце тридцатых годов двадцатого столетия!) пошел путем, которому не изменял всю жизнь и не намерен изменять впредь. Убедившись в том, что все то, что в те годы (как и во все последующие) печаталось и говорилось о коммунизме и о советской реальности, так или иначе не соответствовало тому, что я сам наблюдал в этой реальности, я принял решение изучать эту реальность как нечто объективно данное мне и вырабатывать свое собственное ее понимание, отбросив упомянутый словесный мусор (разумеется, мусор с моей точки зрения). Я различил коммунизм идеологический (коммунистический идеал) и коммунизм реальный, т. е. тот социальный строй (или тип социальной организации человеческих объединений), который получается на самом деле при попытке воплотить идеал в жизнь, причем получается в силу объективных социальных законов, не зависящих от сознания и воли людей.

В рамках идеологического коммунизма я различил немарксистский и марксистский идеалы. В первом случае имелся в виду идеал социального строя, при котором ликвидируются частная собственность на средства производства, частное предпринимательство и скопление больших богатств в частном владении. Во втором случае – то специфическое, что внес марксизм. Это специфически марксистское привнесение было четко определено классиками марксизма и общепризнано в советской идеологии. Сюда входят доведение классово-борьбы до диктатуры пролетариата, отмирание государства и денег, различения социализма как низшей стадии коммунизма и «полного» коммунизма и т. д. Я установил для себя, что коммунистический идеал в первом смысле сполна реализовался в Советском Союзе в результате Октябрьской революции 1917 года, тогда как марксистский идеал не реализовался и, как я установил, в принципе не мог реализоваться в силу объективных социальных законов, которые, кстати сказать, не были известны марксистам (и прочим специалистам в сфере социальных исследований не известны до сих пор).

Сложившийся в СССР социальный строй я стал называть реальным коммунизмом. Для тех, кто считал его неправильным или ненастоящим коммунизмом, я делал оговорку: кому это название не нравится, можно удовольствоваться термином «советский социальный строй» или, короче, «советизм». Я считал и считаю до сих пор советизм наиболее полным (можно сказать – классическим) воплощением коммунистического идеала в первом смысле. И не вижу в обозримом будущем возможности того, что где-то возникнет нечто близкое к нему по уровню этого типа социальной организации. И, говоря о советском вкладе в социальный прогресс человечества, я имею в виду именно советизм, или реальный коммунизм. В этом отношении наша страна стала величайшим новатором социального прогресса человечества. Советский коммунистический эксперимент является непревзойденным в истории по масштабам, достижениям и влиянию на ход социальной эволюции человечества. И тот факт, что советский коммунизм был разгромлен, не снижает его исторической значительности. Более того, чем дальше он уда-

ляется в прошлое, тем отчетливее проявляются и вырастают его масштабы. Прав был Есенин: большое видится на расстоянии. Убитый великан не становится карликом, а пришедший на его место карлик не становится великаном.

Советизм (реальный коммунизм) возник в нашей стране в результате Октябрьской революции 1917 года и прекратил существование в результате антикоммунистического переворота, который начался в августе 1991 года и завершился в октябре 1993 года. Он прожил немногим более семидесяти лет. Срок с исторической точки зрения ничтожный. Он только вступил в стадию зрелости и еще не успел развернуть во всю мощь заложенные в нем потенции. Он был убит в самом начале своего пути, разрушен искусственно, а не изжил себя, как утверждают его враги, разрушители и мародеры. Тем не менее он успел проявить свою социальную натуру настолько сильно и ярко, что вычеркнуть его из памяти человечества, как это стремятся сделать упомянутые люди, вряд ли удастся. История человечества просто немыслима без него, как немыслима без Великой французской революции конца восемнадцатого века, без наполеоновских войн, без Первой мировой войны, без гитлеровского правления в Германии и других значительных событий реальной истории.

А стремление исказить и вычеркнуть совсем из истории советизм превысило все известные случаи такого рода и невольно порождает сомнение в здравом уме носителей этого стремления. Например, при праздновании Дня Победы над Германией в войне 1941–1945 годов говорили о том, что победу одержал народ. Просто народ. При этом не сказали ни слова о том, что это был народ советский, организованный в коммунистическую социальную систему, возглавлявшийся сталинским руководством и т. д. Победа в этой самой грандиозной войне в истории человечества была прежде всего и главным образом победой советизма. Это исторический факт. И каким бы ни было наше субъективное отношение к советизму, игнорирование его означает умышленную фальсификацию истории.

Поразительно то, что в фальсификации сущности и истории советизма принимают участие не только политики и идеологи, но и люди, претендующие на статус ученых. Официально признанное научное понимание советизма так и не было создано в советские годы. Среди причин, помешавших выработке такого понимания, можно назвать новизну самого предмета и общее состояние социальных исследований в мире. Но главным препятствием при этом, на мой взгляд, стала господствовавшая в стране марксистская идеология. Марксизм сам претендовал на статус высшей науки о социальных явлениях. И все то, что не укладывалось в его рамки, считалось антинаучным и беспощадно преследовалось. С разгромом советизма марксистская идеология была просто отброшена. Но на ее место пришел воинствующий антикоммунизм и антисоветизм, и условия для создания научного понимания советизма нисколько не улучшились. Забавно, что одни и те же попытки построения научной теории советизма, предпринимавшиеся мною, оценивались в советские годы как антисоветизм и антикоммунизм, а теперь оцениваются как апологетика советизма и коммунизма.

Исторически реальный коммунизм (в качестве советизма) возник по такой схеме. Возникла коммунистическая идеология. У нее появились сторонники. Появились революционеры, намеревавшиеся изменить мир в соответствии с призывами ликвидировать частную собственность как основу эксплуататорского общественного устройства. В октябре 1917 года революционеры-коммунисты осуществили революцию и захватили высшую власть в России. Они создали новую систему власти, с которой стали создавать коммунистическую экономику и другие компоненты новой социальной организации. В этой организации стала проходить вся жизнь населения страны. Очевидно, что процесс происходил совсем не по марксистской схеме: до революции в России не было никакого коммунистического базиса в марксистском смысле, так что в реальности не было никакого приведения надстроек в соответствие с базисом, а было, наоборот, создание нового базиса по инициативе и под руководством новой власти, т. е. надстройки в марксистском смысле.

Все компоненты новой социальной организации и их взаимоотношения строились не по идеологическому проекту. Такого вообще не было в строгом смысле слова «проект». Были отдельные высказывания на этот счет скорее мечтательного, морализаторского, агитационного и т. п. характера, а не научно обоснованного. Предпринимались попытки какие-то из них превратить в жизнь. Но скоро они отпали как нежизнеспособные и даже просто нелепые. Это не означает, что идеология не сыграла роли. Она как раз сыграла огромную роль, но именно как идеология, т. е. роль средства организации и ориентации масс людей на восстание против существовавшего социального строя, на его разрушение. Думаю, что без коммунистической идеологии это условие, совершенно необходимое для возникновения реального коммунизма в России в те годы, не появилось бы. Позитивная же работа по построению новой (коммунистической) социальной организации осуществлялась как историческое творчество многих миллионов людей в течение ряда поколений. Это была грандиозная историческая драма и в значительной мере трагедия для многих участников процесса. В нем совершались бесчисленные преступления. Имели место жестокость, обман, насилие, нелепости, ошибки, бессмысленные эксперименты, потери, жертвы и т. п. И все же это был грандиозный исторический процесс, в котором рождалось социальное существо более высокого уровня социальной организации человеческих объединений, какого до того не знала история человечества.

Этот процесс проходил как сознательный в том смысле, что в нем проделывалась огромная интеллектуальная работа, принимались бесчисленные сознательные решения, создавались планы, прилагались сознательно-волевые усилия к их выполнению, строились прогнозы и т. д. Но он не был субъективно произвольным. В нем действовали объективные социальные законы, независимые от воли и сознания людей. Никакого противоречия тут нет: социальные законы суть законы именно сознательно-волевой деятельности людей. Люди не знают о них и зачастую действуют вопреки им, за что они «наказываются» негативными последствиями своих поступков, что не отменяет сам факт существования таких законов. Реальный советский коммунизм сложился не по злumu или доброму умыслу отдельных деятелей истории (хотя такие умыслы суть обычные явления), а как закономерное социальное образование, во всяком случае, не менее закономерное, чем общества прошлого и настоящего, включая западные.

В моих многочисленных книгах и статьях, которые стали публиковаться на многих языках начиная с 1976 года, я детальнейшим образом описал упомянутые социальные законы и тот тип социального феномена, который сложился в нашей стране и затем во многих других странах в двадцатом веке после Октябрьской революции 1917 года. Это мое описание как в целом, так и в деталях принципиально отличается от марксистского социального учения (называемого историческим материализмом) и марксистского учения о коммунизме (называемого научным коммунизмом). Марксистское учение претендовало (и претендует) на научное понимание социальных явлений, включая реальный коммунизм. Но фактически оно не вышло за рамки идеологии. Я же противопоставил ему именно научный подход. Поясню кратко, в чем состоит отличие научного подхода в моем понимании от идеологического.

Научный подход к социальным явлениям (в моем понимании!) предполагает, что изучаемые объекты существуют в какой-то мере и форме эмпирически, на самом деле, а не в воображении. Их можно наблюдать.

Высказываемые при этом суждения можно проверять путем сопоставления их с наблюдаемой реальностью. Когда возникло марксистское учение о коммунизме («научный коммунизм»), в реальности никакого социального явления такого рода нигде не было. И все, что говорилось на эту тему, можно было рассматривать лишь как гипотезы или проекты. В советские же годы специалисты по «научному коммунизму» игнорировали советскую реальность, вырывали из нее лишь то, что можно было изобразить как подтверждение учения Маркса, подгоняли явления реальности под марксистские фразы (фальсифицировали реальность), в лучшем случае утверждали, что коммунизм в стране еще не достроен или что он строится непра-

вильно. Об изучении советской реальности именно как реального коммунизма и речи быть не могло. Всесильная советская идеология (в основе марксистская) расценивала даже самые робкие попытки на этот счет как клевету.

Научный подход к социальным явлениям далее означает субъективную беспристрастность в отношении этих явлений. Марксизм же всегда подчеркивал то, что он явился выражением интересов рабочего класса (пролетариата). В советские годы стали говорить об интересах трудящихся, трудового народа. И именно в этой пристрастности марксизма видели его величайшее достоинство. Утверждали, что именно переход на позиции пролетариата позволил классикам марксизма создать якобы научное понимание социальной реальности (и вообще всего на свете, включая атомы, электроны, хромосомы и т. д.). Марксисты до сих пор цепляются за это пристрастие, хотя пролетариат как социальный класс вообще почти исчез с исторической арены в странах западного мира. Да и в России социальная структура населения принимает такой вид, что пролетариат можно обнаружить лишь с помощью словесных махинаций. Думаю, что именно классовая тенденциозность марксизма стала одной из причин того, что марксизм не дал научного понимания социальных явлений вообще и реального коммунизма в особенности.

Говоря все это, я вовсе не отвергаю великую историческую роль марксизма как самой грандиозной в истории человечества гражданской (светской, нерелигиозной) идеологии. Без него была бы невозможна Октябрьская революция 1917 года в России, не возник бы советизм (советский реальный коммунизм). Но это не превращает марксизм в науку. Идеология состоит из множества суждений (утверждений, высказываний). Далеко не все они ложные. Многие истинны. Иначе идеология не может иметь успеха в массе людей. В этом смысле можно говорить о степени адекватности идеологии той реальности, с которой ее соотносят. Марксизм имел довольно высокую степень адекватности той реальности, в которой он возник и затем распространялся. Идеологи и политики выдавали это за подтверждение научности марксизма, чего (научности) на самом деле никогда не было. Вследствие тех перемен, которые произошли в мире (включая нашу страну), степень адекватности марксистской идеологии настолько сократилась, что она утратила всякую позитивную роль. В Советском Союзе она стала одним из важных факторов в том комплексе факторов, который стал условием разгрома советизма (реального коммунизма).

Научный подход к социальным явлениям, наконец, предполагает следование правилам логики и методологии познания. На словах эти правила признаются всеми. Но в практике исследования и сочинения текстов с ними считаются очень редко и в самых примитивных случаях. Обычно же их игнорируют или не знают вообще. Марксисты к ним сознательно относились с презрением, воображая, будто они следуют какой-то высшей (диалектической) логике. Если последнюю понимать как диалектический метод (диалектику), то он в марксизме был сведен к некоему учению об общих законах бытия, а эти законы ограничились заимствованными у Гегеля несколькими общими утверждениями, лишенными методологического смысла. А без фундаментальной логической обработки понятийного аппарата и методов социальных исследований научное понимание современной социальной реальности (включая советизм, западнизм, постсоветизм, глобализацию) исключено даже при наличии страстного желания иметь его и при поддержке со стороны правящих и имущих слоев населения страны. И неудивительно, что советизм (реальный коммунизм) остался непонятым на научном (в моем понимании научности) уровне как в Советском Союзе, так и на Западе. В официальной (университетской и академической) науке он на этом уровне не понимается и теперь, поскольку необходимые для этого интеллектуальные средства просто отсутствуют. Их не разрабатывают, им не обучают студентов. Если в этом направлении что-то и делается, то лишь отрывочно, случайно, несистематически. На интеллектуальном состоянии сферы социальных исследований это не сказывается заметным образом. А если к сказанному добавить вполне сознательное пре-

пятствование новшества на этот счет со стороны массы специалистов в сфере логики, методологии и социологии, то рассчитывать на серьезные перемены в понимании интересующего нас здесь объекта в обозримом будущем не приходится.

Как я сказал выше, в советский период в нашей стране была изобретена социальная организация (строй, система) более высокого уровня, чем все существовавшие ранее и в других странах планеты. Я назвал этот уровень сверхобщественным, мотивируя это следующими соображениями. Осуществив экспликацию понятия «общество» по правилам логики, я установил: в том, что создавалось в Советском Союзе, имели место все основные компоненты социальной организации общества (государственность, правовая сфера, экономика, система образования, культура, идеология и т. д.). Но одновременно сложились над ними явления сверхгосударственности (их называли словами «партия» и «партийный аппарат»), сверхэкономики (в виде органов командно-плановой и централизованной системы построения и управления хозяйством), сверхидеологии (в виде единой гражданской идеологии и идеологического аппарата, контролировавшего всю менталитетную сферу) и т. д. Эти явления образовали целостную систему, подчинившую компоненты социальной организации общества. Последние, говоря языком диалектики, включились в систему сверхобщественной организации в «снятом виде». Тут проявилась общая закономерность развития – новое качество возникло как структурное образование более высокого уровня.

Фактически сложившееся советское сверхобщество было первым в истории человечества сверхобществом огромного масштаба. Наша страна с этой точки зрения опередила западный мир по крайней мере на пятьдесят лет. Запад встал на путь эволюции в направлении к сверхобществу лишь после Второй мировой войны, причем под влиянием Советского Союза и в соответствии с социальным законом уподобления противников в мировой борьбе за лидерство. Поскольку советское сверхобщество осталось непонятым в этом его качестве, все его явления оценивались в научной, политической и идеологической среде ошибочно, причем как на Западе, так и в самом СССР. В последнем даже больше ошибались, чем на Западе. На Западе хотя бы догадывались о преимуществах советизма, придавая в пропаганде их негативную окраску. Советские же политики, идеологи и «ученые» от непомерного приукрашивания советизма в духе западных добродетелей бросились в другую крайность – преклонения перед пропагандистски приукрашенными дефектами западнизма и очернения непонимаемых достоинств своего советизма. Вспомните, что идеи коммунизма (социализма) с человеческим лицом и перестройки страны в западном духе стали навязываться советскому населению сверху, с высот власти и интеллектуальной элиты страны. Очернение советизма превратилось в Советском Союзе буквально в оргию, скорее напоминающую медицинское умопомешательство, чем критическое осмысление реальности. И эта оргия не утихает до сих пор. Теперь к породившим ее факторам добавились стремление оправдать свою эпохальную глупость и предательское поведение в судьбоносный период истории.

Обычно мои оппоненты выдвигают против моей концепции реального коммунизма такой аргумент: если советский строй был таким, как я его описываю, почему же он рухнул? Такой аргумент есть типичный пример логической безграмотности моих оппонентов. Я на такой вопрос отвечаю так. Во-первых, рухнул не советский социальный строй (советизм), а конкретная страна с таким строем, причем в конкретных исторических условиях. Социальный строй не существует сам по себе. Это лишь один из аспектов организации жизни конкретного народа в конкретных геополитических условиях, в конкретной социальной среде. Советский Союз рухнул в результате многолетней войны нового типа с западным миром (более полувека!). Исторически сложился целый комплекс факторов, обусловивших этот крах. Среди этих факторов – колоссальный перевес сил Запада, назревание первого в истории специфически коммунистического кризиса в СССР, неизбежные дефекты самого советизма и т. д. Удивительно тут не то, на мой взгляд, что Советский Союз рухнул, а то, что страна в чудовищно трудных усло-

виях перманентной борьбы с мощным западным миром в течение более чем семидесяти лет успешно защищала себя, выиграла крупнейшую в истории войн победу, добилась грандиозных успехов за исторически ничтожно малые сроки. И это благодаря советизму! Советизм в нашей стране был молодым социальным строем, вполне жизнеспособным и самым совершенным из всего того, что могло сложиться в тех условиях. Он был разрушен искусственно. Причем главную роль в его разрушении сыграли те, кто по идее должен был его защищать, – сами советские руководители, идеологи, привилегированные категории граждан. вспомните, что в стране было около восемнадцати миллионов членов КПСС, которые при вступлении в партию давали клятву до последней капли крови сражаться за коммунизм. Они сдали коммунизм без боя, не пролив ни единой капли своей крови.

Но на этом эволюционный прогресс не прекратился. Разгромив советское сверхобщество на востоке, западный мир сам устремился к сверхобществу. При этом он стремится с помощью российских холуев вообще вычеркнуть из памяти человечества тот факт, что Советский Союз в течение более семидесяти лет был бесспорным лидером эволюционного прогресса человечества. Я считаю, что наш долг как представителей русского народа, который был основным субъектом советизма, научно осмыслить опыт советизма и сохранить его хотя бы в какой-то мере в памяти потомков.

Москва, 2004

Имя века

Тема этого очерка – Сталин и сталинская эпоха. Для меня эта тема особенно важна. Дело в том, что я еще в школьные годы (в 1938 году) стал убежденным антисталинистом. В 1939 году был арестован за выступление против культа личности Сталина. Случилось так, что я бежал, скрывался, в урагане войны 1941–1945 годов «затерялся». До самой смерти Сталина вел тайную антисталинистскую пропаганду. После смерти Сталина (в 1953 году) я покончил с моим антисталинизмом. К этому времени я достаточно основательно изучил советское общество, и в особенности сталинский период. Мой антисталинизм утратил смысл, уступив место объективно научному пониманию сталинской эпохи, ушедшей в прошлое. Я изложил это понимание тридцать лет спустя в книге «Нашей юности полет», опубликованной на Западе. Прошло еще двадцать лет. За эти годы было разрушено детище Сталина – советский социальный строй. Изучение этой глобальной и эпохальной катастрофы внесло свою долю в мое понимание Сталина, сталинской эпохи, сталинизма. В этом очерке я хочу изложить основные черты этого итогового понимания.

Масштабы исторической личности определяются масштабами событий, в которых они играли значительную и даже решающую роль. С этой точки зрения Сталин принадлежит к числу величайших личностей в истории человечества. Если девятнадцатый век можно назвать веком Наполеона и Маркса, то век двадцатый можно с полным правом назвать веком Ленина и Сталина. В этом очерке я намерен рассмотреть не конкретные факты и события сталинской эпохи и жизни Сталина, а их социальную сущность.

Сталинская эпоха. Чтобы дать объективную характеристику сталинской эпохи, необходимо прежде всего определить ее место в истории русского (советского) коммунизма. Сейчас можно констатировать как факт такие четыре периода в истории русского коммунизма: 1) зарождения; 2) юности (или созревания); 3) зрелости; 4) кризиса и гибели. Первый период охватывает годы от Октябрьской революции 1917 года до избрания Сталина Генеральным секретарем ЦК партии в 1922 году или до смерти Ленина в 1924 году. Этот период можно назвать ленинским по той роли, какую в нем сыграл Ленин. Второй период охватывает годы до смерти Сталина в 1953 году или до двадцатого съезда партии в 1956 году. Это сталинский период.

Третий (хрущевско-брежневский период) продолжался до прихода к высшей власти в стране Горбачева в 1985 году. И четвертый период начался с приходом к высшей власти Горбачева и завершился антикоммунистическим переворотом в августе 1991 года, возглавленным Ельциным, и разрушением русского (советского) коммунизма.

После XX съезда КПСС прочно утвердилось представление о сталинском периоде как о периоде злодейства, а о самом Сталине – как о самом злодейском злодее из всех злодеев в истории человечества. И теперь в качестве истины принимается лишь разоблачение язв и дефектов сталинизма. Попытки высказаться объективно об этом периоде и о личности Сталина расцениваются как апологетика сталинизма. И все же я рискну отступить от разоблачительной линии и высказаться в защиту... нет, не Сталина и сталинизма, а их объективного понимания. Думаю, что я имею на это моральное право, поскольку с ранней юности был убежденным анти-сталинистом (о чем говорилось ранее). Ниже я кратко изложу основные выводы относительно Сталина и сталинизма, к которым пришел в результате многолетних научных исследований.

Ленин и Сталин. Советская идеология и пропаганда в сталинские годы преподносила Сталина как «Ленина сегодня». Теперь я думаю, что это верно. Конечно, между Лениным и Сталиным имели место различия. Но главным все-таки является то, что сталинизм был продолжением и развитием ленинизма как в теории, так и в практике строительства реального коммунизма. Сталин дал наилучшее изложение ленинизма как идеологии. Он был верным учеником и последователем Ленина. Какими бы ни были их конкретные личные отношения, с социологической точки зрения они образуют единую историческую личность. Случай в истории уникальный. Я не знаю другого такого случая, чтобы один политический деятель большого масштаба поднял буквально на божественную высоту своего предшественника у власти, как это сделал Сталин с Лениным.

После XX съезда КПСС Сталина начали противопоставлять Ленину, а сталинизм рассматривать как отступление от ленинизма. Сталин действительно «отступил» от ленинизма, но не в плане измены ему, а в том смысле, что внес в него настолько значительный вклад, что мы вправе говорить о сталинизме как об особом феномене.

Политическая и социальная революция. Великая историческая роль Ленина заключалась в том, что он разработал идеологию социалистической революции, создал организацию профессиональных революционеров, рассчитанную на захват власти, возглавил силы для захвата и удержания власти, когда представился случай, оценил этот случай и пошел на риск захвата власти, использовал власть для разрушения существовавшей социальной системы, организовал массы на защиту завоеваний революции от контрреволюционеров и интервентов, короче говоря, в создании необходимых условий для построения коммунистического социального строя в России. Но сам этот строй сложился уже после него, в сталинский период, сложился под руководством Сталина. Роль этих людей настолько огромна, что можно смело утверждать, что без Ленина не победила бы социалистическая революция, а без Сталина не возникло бы первое в истории коммунистическое общество огромного масштаба. Когда-нибудь, когда человечество в интересах самосохранения все-таки вновь обратится к коммунизму как к единственному пути избежать гибели, двадцатый век будет назван веком Ленина и Сталина.

Я различаю политическую и социальную революции. В русской революции они слились воедино. Но в ленинский период доминировала первая, в сталинский на первый план вышла вторая. Социальная революция заключалась не в том, что были ликвидированы классы капиталистов и помещиков, что была ликвидирована частная собственность на землю, на фабрики и заводы, на средства производства. Это был лишь негативный, разрушительный аспект политической революции. Социальная же революция как таковая, в ее позитивном, созидательном содержании означала создание новой социальной организации масс многомиллионного населения страны. Это был грандиозный и беспрецедентный процесс объединения миллионов людей в коммунистические коллективы с новой социальной структурой и новыми взаимоотно-

ношениями между людьми, процесс создания многих сотен тысяч деловых клеточек невиданного доселе типа и объединения их точно так же в невиданное доселе единое целое. Это был грандиозный процесс создания нового образа жизни миллионов людей с новой психологией и идеологией.

Хочу обратить особое внимание на следующее обстоятельство. Как критики, так и апологеты сталинизма изображают этот процесс так, будто Сталин и его соратники лишь воплощали в жизнь марксистско-ленинские проекты. Это – глубокое заблуждение. Никаких таких проектов не было вообще. Были общие идеи и лозунги, которые можно было истолковывать и которые на самом деле истолковывались, как говорится, вкривь и вкось. Не было таких проектов ни у самого Сталина, ни у сталинцев. Тут имело место историческое творчество в полном смысле слова. Перед строителями нового общества стояли конкретные задачи установления общественного порядка, борьбы с преступностью, борьбы с беспризорностью, обеспечения людей продуктами питания и жильем, создания школ и больниц, создания средств транспорта, строительства заводов для производства необходимых предметов потребления и т. д. Они поступали в силу жизненной необходимости, в силу наличных средств и условий, в силу объективных социальных законов, о которых не имели ни малейшего понятия, но с которыми вынуждены были считаться на деле, действуя по принципу проб и ошибок. Они не думали о том, что тем самым создавали ячейки нового общественного организма с его закономерной структурой и объективными, не зависящими от их воли социальными отношениями. Их деятельность была успешной в той мере, в какой они так или иначе считались с объективными условиями и законами социальной организации. В общем и целом Сталин и его соратники действовали в соответствии с жизненной необходимостью и объективными тенденциями реального бытия, а не с какими-то идеологическими догмами, как им приписывают фальсификаторы советской истории. Замечу кстати, что материальные и культурные ценности, созданные в сталинские годы, были настолько огромны, что ценности, доставшиеся в наследство от дореволюционной России, выглядят в сравнении с ними каплей в океане. То, что национализировалось и обобществлялось после революции, на самом деле было не столь значительным, как об этом принято говорить. Материальную и культурную основу нового общества пришлось создавать заново после революции, используя новую систему власти. Со временем конкретные задачи, вынуждавшие строителей нового общества осуществлять коллективизацию, индустриализацию и другие мероприятия большого масштаба, отошли на задний план или исчерпали себя, а неосознанный и незапланированный социальный аспект заявил о себе как одно из главных достижений этого периода истории русского коммунизма.

Самым важным, пожалуй, результатом социальной революции, привлечшим на сторону нового строя подавляющее большинство населения страны, было образование деловых коллективов, благодаря которым люди приобщались к публичной жизни и ощущали заботу о себе общества и власти. Тяга людей к коллективной жизни без частных хозяев и с активным участием всех была неслыханной ранее нигде и никогда. Демонстрации и собрания были делом добровольным. К ним относились как к праздникам. Несмотря ни на какие трудности, иллюзия того, что власть в стране принадлежит народу, была все подавляющей иллюзией тех лет. Явления коллективизма воспринимались как показатели именно народовластия. Народовластия не в смысле западной демократии, а буквально. Представители низших слоев населения (а их было большинство) заняли нижние этажи социальной лестницы и приняли участие в социальном спектакле не только в качестве зрителей, но и в качестве актеров. Актеры на более важных ролях тогда тоже в массе своей были выходцами из народа. Такой вертикальной динамики населения, как в те годы, история не знала до этого.

Коллективизация и индустриализация. Существует устойчивое мнение, будто колхозы были выдуманы сталинскими злодеями из чисто идеологических соображений. Это чудовищная нелепость. Идея колхозов не есть идея марксистская. Она вообще не имеет ничего

общего с классическим марксизмом. Она не была привнесена в жизнь из-за теории, зародившись в самой практической жизни реального, а не воображаемого коммунизма. Идеологию лишь использовали как средство оправдания своего исторического творчества. Коллективизация была не злым умыслом, а трагической неизбежностью. Процесс бегства людей в города все равно нельзя было остановить. Коллективизация ускорила его. Без нее этот процесс стал бы, может быть, еще болезненнее, растянувшись на несколько поколений. Дело обстояло вовсе не так, будто высшее советское руководство имело возможность выбора пути. Для России в исторически сложившихся условиях был один выбор: выжить или погибнуть. А в отношении путей выживания выбора никакого не было. Сталин стал не изобретателем русской трагедии, а лишь ее выразителем. Колхозы были злом, но далеко не абсолютным. Без них в тех реальных условиях была невозможна индустриализация, а без последней нашу страну разгромили бы уже в тридцатые годы, если не раньше. Но и сами по себе колхозы имели не только недостатки. Один из соблазнов и одно из достижений реального коммунизма состоит в том, что он освобождает людей от тревог и ответственности, связанных с собственностью. Хотя и в негативной форме, колхозы сыграли эту роль для десятков миллионов людей. Молодые люди получили возможность становиться трактористами, механиками, учетчиками, бригадирами. Вне колхозов появились «интеллигентные» должности в клубах, медицинских пунктах, школах, машинно-тракторных станциях. Совместная работа многих людей становилась общественной жизнью, приносившей развлечение самим фактом совместности. Собрания, совещания, беседы, пропагандистские лекции и прочие явления новой жизни, связанные с колхозами и сопровождавшие их, делали жизнь людей интереснее, чем старая. На том уровне культуры, на каком находилась масса населения, все это играло роль огромную, несмотря на убогость и формальность этих мероприятий.

Индустриализация советского общества была так же плохо понята, как и коллективизация. Важнейший ее аспект, а именно социологический, выпал из поля зрения как апологетов, так и критиков сталинизма. Критики рассматривали ее, во-первых, с критериями западной экономики как экономически нерентабельную (по их понятиям – бессмысленную) и, во-вторых, как волюнтаристскую, диктуемую соображениями идеологии. А апологеты не заметили того, что тут рождался качественно новый феномен сверхэкономики, благодаря которому Советский Союз в удивительно короткие сроки стал мощной индустриальной державой. И что самое поразительное, не заметили того, какую роль сыграла индустриализация в социальной организации масс населения.

Организация власти. В эти годы происходило, с одной стороны, объединение разбросанных по огромной территории различных народов в единый социальный организм, а с другой стороны, происходили внутренняя дифференциация и структурное усложнение этого организма. Данный процесс с необходимостью порождал разрастание и усложнение системы власти и управления обществом. А в новых условиях он породил и новые функции власти и управления. Но она появилась на свет не сразу после революции. Нужны были многие годы на ее создание. А страна нуждалась в управлении с первых же дней существования нового общества. Как же она управлялась? Конечно, до революции существовал государственный аппарат царской России. Но он был разрушен революцией. Его обломки и опыт работы использовались для создания новой государственной машины. Но опять-таки нужно было что-то еще другое, чтобы это сделать. И этим другим средством управления страной в условиях послереволюционной разрухи и средством создания нормальной системы власти явилось рожденное революцией народовластие.

Употребляя выражение «народовластие» или «власть народа», я не вкладываю в них никакого оценочного смысла. Я не разделяю иллюзий, будто власть народа – это хорошо. Я имею здесь в виду лишь определенную структуру власти в определенных исторических обстоятельствах и ничего более. Вот основные черты народовластия. Подавляющее большинство

руководящих постов с самого низа до самого верха заняли выходцы из низших слоев населения. А это миллионы людей. Вышедший из народа руководитель обращается в своей руководящей деятельности непосредственно к самому народу, игнорируя официальный аппарат. Для народных масс этот аппарат представляется как нечто враждебное им и как помеха их вождю-руководителю. Отсюда волонтаристские методы руководства. Потому высший руководитель может по своему произволу манипулировать чиновниками нижестоящего аппарата официальной власти, смещать их, арестовывать. Руководитель выглядел народным вождем. Власть над людьми ощущалась непосредственно, без всяких промежуточных звеньев и маскировок.

Народовластие есть организация масс населения. Народ должен быть определенным образом организован, чтобы его вожди могли руководить им по своей воле. Воля вождя – ничто без соответствующей подготовки и организации населения. Были изобретены определенные средства для этого. Это прежде всего всякого рода активисты, зачинатели, инициаторы, ударники, герои... Масса людей в принципе пассивна. Чтобы держать ее в напряжении и двигать в нужном направлении, в ней нужно выделить сравнительно небольшую активную часть. Эту часть следует поощрять, давать ей какие-то преимущества, передать ей фактическую власть над прочей пассивной частью населения. И во всех учреждениях образовывались неофициальные группы активистов, которые фактически держали под своим наблюдением и контролем всю жизнь коллектива и его членов. Руководить учреждением без их поддержки было практически невозможно. Активисты были обычно людьми, имевшими сравнительно невысокое социальное положение, а порою самое низкое. Часто это были бескорыстные энтузиасты. Но постепенно этот низовой актив перерастал в мафии, терроризировавшие всех сотрудников учреждений и задававшие тон во всем. Они имели поддержку в коллективе и сверху. И в этом была их сила.

Высшей властью в сталинской системе власти был не государственный, а сверхгосударственный аппарат власти, не связанный никакими законодательными нормами. Он состоял из клики людей, лично обязанных главарию (вождю) своим положением в клике и предоставленной ему долей власти. Такие клики складывались на всех уровнях иерархии, начиная с высшей ступени, во главе с самим Сталиным, и кончая уровнем районов и предприятий. Главными рычагами власти были партийный аппарат и партия в целом, профсоюзы, комсомол, органы государственной безопасности, учреждения внутреннего порядка, армейское командование, дипломатический корпус, главы учреждений и предприятий, выполняющих задания особой государственной важности, научная и культурная элита и т. д. Государственная власть (советы) подчинялась сверхгосударственной. Важным компонентом сталинской власти было то, что называлось словом «номенклатура». Роль этого явления была сильно преувеличена и искажена в антисоветской пропаганде. Что такое номенклатура на самом деле? В сталинские годы в номенклатуру входили особо отобранные и надежные с точки зрения центральной власти партийные работники, осуществлявшие руководство большими массами людей в различных районах страны и различных сферах жизни общества. Система руководства была сравнительно проста, общие установки – ясны и стабильны, методы руководства – примитивны и стандартны, культурный и профессиональный уровень руководимых масс – низок, задачи деятельности масс и правила их организации – сравнительно просты и более или менее единообразны. Так что практически любой партийный руководитель, включенный в номенклатуру, мог с одинаковым успехом руководить литературой, целой территориальной областью, тяжелой промышленностью, музыкой, спортом. Главная задача руководства такого рода состояла в том, чтобы создать и поддерживать единство и централизацию руководства страной, приучить население к новым формам взаимоотношения с властью, любой ценой решать некоторые проблемы общегосударственного значения. И эту задачу номенклатурные работники сталинского периода выполнили.

Репрессии. Вопрос о репрессиях имеет принципиальное значение для понимания не только истории формирования русского коммунизма, но и его сущности как социального строя. В них произошло совпадение факторов различного рода, связанных как с сущностью коммунистического социального строя, так и с конкретными историческими условиями, а также с природными условиями России, ее историческими традициями и характером наличного человеческого материала. Была мировая война. Рухнула царская империя, причем коммунисты в этом были меньше всего повинны. Произошла революция. В стране дезорганизация, разруха, голод, расцвет преступности. Новая революция, на сей раз – социалистическая. Гражданская война, интервенция, восстания.

Никакая власть не смогла бы установить элементарный общественный порядок без массовых репрессий. Само формирование нового общественного строя сопровождалось буквально оргией преступности во всех сферах общества, во всех регионах страны, на всех уровнях формирующейся иерархии, включая сами органы власти, управления и наказания. Коммунизм входил в жизнь как освобождение, но освобождение не только от пут старого строя, но и освобождение масс людей от элементарных сдерживающих факторов. Халтура, очковтирательство, воровство, коррупция, пьянство, злоупотребления служебным положением и т. п., процветавшие и в дореволюционное время, превращались буквально в нормы всеобщего образа жизни россиян (теперь советских людей). Партийные организации, комсомол, коллективы, пропаганда, органы воспитания и т. д. прилагали титанические усилия к тому, чтобы помешать этому. И они действительно многого добивались. Но они были бессильны без органов наказания. Сталинская система массовых репрессий выростала как самозащитная мера нового общества от рожденной совокупностью обстоятельств эпидемии преступности. Она становилась постоянно действующим фактором нового общества, необходимым элементом его самосохранения.

Бесспорно, сталинские репрессии имели место. И в них имело место многое такое, что заслуживает осуждения. Но то, как это делалось и делается до сих пор в разоблачениях сталинизма, само есть преступная фальсификация истории, ничего общего не имеющая со стремлением к исторической истине. Характерным для нее является жульнический прием, суть которого заключается в следующем. Для описания исторически данной реальности из множества ее событий отбираются такие, чтобы каждое суждение о них по отдельности было истинным, но чтобы их совокупность создавала ложную картину реальности в целом. В реальной жизни сталинского периода произошло такое множество событий, которое сосчитать невозможно. Это был гигантский океан событий. А в сочинениях разоблачителей сталинизма из этого океана событий тенденциозно вырывались лишь немногие. Суждения о них концентрировались в ограниченных текстах, которые преподносились как точный образ эпохи в целом. Фактически процент таких разоблачительных событий по отношению к реальному океану реальных событий настолько ничтожен, что при описаниях других эпох и стран такого рода события вообще не принимаются во внимание.

Так, может быть, социальная значимость этих немногих событий была настолько велика, что все прочие события меркнут перед ними? На самом деле и с этой точки зрения упомянутые сочинения (и подобные им современные образы этой эпохи) суть фальсификация реальности. На самом деле в сталинскую эпоху (и вообще в советский период русской истории) в нашей стране произошли такие грандиозные социальные события, по сравнению с которыми события, вырываемые из исторического контекста разоблачителями, претендующими на некую «подлинную правду», просто не заслуживали бы внимания, если бы в мире хоть в какой-то мере считались с принципами научного подхода к пониманию социальных явлений большой исторической значимости.

Экономическая революция. Слишком мало сказать об экономике сталинской эпохи, что в ней имели место коллективизация и индустриализация. В ней сложилась специфически

коммунистическая форма экономики, я бы сказал даже – сверхэкономика. Назову ее основные черты. В сталинские годы было создано огромное число первичных деловых коллективов (клеточек), которые в совокупности образовали специфически коммунистическую сверхэкономику. Эти клеточки создавались не стихийно, не частным порядком, а решениями властей. Последние решали, что эти клеточки должны были делать, сколько иметь наемных работников и каких, как их оплачивать, и все прочие аспекты их жизнедеятельности. Это не было делом полного произвола властей. Последние принимали во внимание реальную ситуацию и реальные возможности. Создаваемые экономические (хозяйственные) клеточки включались в систему других клеточек, т. е. были частичками больших экономических объединений (как отраслевых, так и территориальных) и в конечном счете экономики в целом.

Над экономическими клеточками создавалась иерархическая и сетчатая структура из учреждений власти и управления, которая обеспечивала их согласованную деятельность. Она была организована по принципам начальствования и подчинения, а также централизации. На Западе это называли командной экономикой и считали величайшим злом, противопоставляя ей свою рыночную экономику, прославляя ее как величайшее добро.

Коммунистическая сверхэкономика, организуемая и управляемая сверху, имела определенную целевую установку. Последняя заключалась в следующем. Во-первых, обеспечивать страну материальными средствами, позволяющими ей выжить в окружающем мире, сохранить независимость и идти в ногу с прогрессом. Во-вторых, обеспечивать граждан страны необходимыми средствами существования. В-третьих, обеспечивать всех трудоспособных граждан работой как основным и для большинства единственным источником существования. В-четвертых, вовлекать все трудоспособное население в трудовую деятельность в первичных коллективах. С такой установкой была органически связана необходимость планирования деятельности экономики начиная с первичных клеточек и кончая экономикой в целом. Отсюда – знаменитые сталинские пятилетки. Эта плановость советской экономики вызвала особенно сильное раздражение на Западе и подвергалась всяческому осмеянию. А между тем совершенно безосновательно. Советская экономика имела свои недостатки. Но причиной их была не плановость как таковая. Наоборот, плановость позволяла сдерживать эти недостатки и добиваться успехов, которые в те годы признавались во всем мире как беспрецедентные.

Общепринято думать, будто западная экономика является более эффективной, чем советская. Это мнение просто бессмысленно с научной точки зрения. Надо различать экономические и социальные критерии оценки эффективности экономики. Социальная эффективность экономики характеризуется способностью существовать без безработицы и без разорения нерентабельных предприятий, более легкими условиями труда, способностью сосредоточивать большие средства и силы на решение задач большого масштаба и другими признаками. С этой точки зрения как раз сталинская экономика оказалась максимально эффективной, что стало одним из факторов побед эпохального и глобального масштаба.

Культурная революция. Сталинский период был периодом беспрецедентной в истории человечества культурной революции, коснувшейся многомиллионных масс населения всей страны. Эта революция была абсолютно необходимым условием выживания нового общества. Человеческий материал, доставшийся от прошлого, не соответствовал потребностям нового общества во всех аспектах его жизнедеятельности, в особенности в производстве, системе управления, науке, армии. Требовались миллионы образованных и профессионально подготовленных людей. В решении этой проблемы новое общество продемонстрировало свое преимущество перед всеми прочими типами социальных систем: самым легкодоступным для него оказалось то, что было самым труднодоступным для прошлой истории, – образование и культура. Оказалось, что легче дать людям хорошее образование и открыть им доступ к вершинам культуры, чем дать им приличное жилье, одежду и пищу. Доступ к образованию и культуре был самой мощной компенсацией за бытовое убожество.

Люди переносили такие бытовые трудности, о которых теперь страшно вспоминать, лишь бы получить образование и приобщиться к культуре. Тяга миллионов людей к этому была настолько сильной, что ее не могло остановить ничто в мире. Всякая попытка вернуть страну в дореволюционное состояние воспринималась как самая страшная угроза этому завоеванию революции. Быт при этом играл роль второстепенную. Надо было лично пережить это время, чтобы оценить это состояние. Потом, когда образование и культура стали чем-то само собой разумеющимся, привычным и будничным, это состояние исчезло и забылось. Но оно было и сыграло свою историческую роль. Оно пришло не само собой. Оно явилось одним из достижений сталинской социальной стратегии. Оно создавалось преднамеренно, систематически, планомерно. Высокий образовательный и культурный уровень людей считался необходимым условием коммунизма в самих основах марксистской идеологии. В этом пункте, как и во многих других, практические жизненные потребности совпадали с постулатами идеологии. В сталинские годы марксизм как идеология еще был адекватен потребностям реального хода истории.

Идеологическая революция. Все пишущие о сталинской эпохе много внимания уделяют коллективизации, индустриализации и массовым репрессиям. Но в эту эпоху происходили и другие события огромного масштаба, о которых пишут мало или умалчивают совсем. К их числу относится в первую очередь идеологическая революция. С точки зрения формирования реального коммунизма она, на мой взгляд, не менее важна, чем прочие события эпохи. Тут речь шла о формировании третьей основной опоры всякого современного общества наряду с системой власти и экономикой – единой государственной светской (нерелигиозной) идеологии и централизованного идеологического механизма, без которых успех строительства коммунизма был бы немислим.

В сталинские годы определилось содержание идеологии, определились ее функции в обществе, методы воздействия на массы людей, наметилась структура идеологических учреждений, и выработались правила их работы. Кульминационным пунктом идеологической революции был выход в свет работы Сталина «О диалектическом и историческом материализме». Существует мнение, будто эту работу написал не он. Но если даже Сталин присвоил чужой труд, в появлении его он сыграл роль неизмеримо более важную, чем сочинение этого довольно примитивного с интеллектуальной точки зрения текста: он понял необходимость такого идеологического текста, дал ему свое имя и навязал ему огромную историческую роль. Эта сравнительно небольшая статья явилась настоящим идеологическим (не научным, а именно идеологическим) шедевром в полном смысле слова.

После революции и Гражданской войны перед партией, захватившей власть, встала задача – навязать свою партийную идеологию всему обществу. Иначе она у власти не удержалась бы. А это практически означало идеологическую обработку широких масс населения, создание для этой цели армии специалистов – идеологических работников, формирование постоянно действующего аппарата идеологической работы, проникновение идеологии во все сферы жизни. А с чего пришлось начинать? Малограмотное и процентов на девяносто религиозное население. Идеологический хаос и разброд в среде интеллигенции. Партийные работники – недоучки, начетчики и догматики, запутавшиеся во всякого рода идейных течениях. Да и сам марксизм они знали так себе. И теперь, когда возникла жизненно первостепенная задача переориентировать идеологическую работу на массы низкого образовательного уровня и зараженные старой религиозно-самодержавной идеологией, партийные теоретики оказались совершенно беспомощными.

Нужны были идеологические тексты, с которыми можно было бы уверенно, настойчиво и систематично обращаться к массам. Главной проблемой стало не развитие марксизма как явления отвлеченной философской культуры, а отыскание наиболее простого способа сочинения марксистскообразных фраз, речей, лозунгов, статей, книг. Надо было занизить уровень исторически данного марксизма так, чтобы он стал идеологией интеллектуально примитивного

и плохо образованного большинства населения. Занижая и вульгаризируя марксизм, сталинисты тем самым выщелушивали из него рациональное ядро, единственно стоящее, что в нем вообще было.

Пусть читатель обратит внимание на тот идеологический хаос, какой имеет место в сегодняшней России, на бесплодные поиски некоей «национальной идеи», бесконечные жалобы на отсутствие эффективной идеологии! А ведь образовательный уровень населения неизмеримо выше, чем был в начале сталинской эпохи, в поиски идеологии вовлечены огромные интеллектуальные силы, за плечами опыт по этой части многих десятков лет мирового прогресса! А результат – ноль. Чтобы по достоинству оценить сталинизм в этом плане, достаточно сравнить те времена с нынешними. Конечно, марксизм со временем стал предметом насмешек. Но это случилось через несколько десятков лет, причем в сравнительно узких кругах интеллектуалов, когда сталинская идеологическая революция уже выполнила свою великую историческую миссию. И советская идеология, родившаяся в сталинские годы, не умерла своей смертью, а была просто отброшена в результате антикоммунистического переворота. То идеологическое состояние, которое пришло ей на смену, явилось колоссальной духовной деградацией России.

Идеология вместо религии. Общеизвестно, какая настойчивая и ожесточенная борьба против религии и церкви велась в Советском Союзе после революции. Почему? По меньшей мере наивно рассматривать это просто как проявление беспричинной злобности, глупости и прочих отрицательных качеств деятелей революции и строителей нового общества. Причины для этого были, причем самые глубокие и серьезные с точки зрения хода истории. Это была не криминальная операция группы злодеев, а грандиозный исторический процесс. Указать на эти причины не значит оправдать историю. История не нуждается ни в каком оправдании. Она проходит, игнорируя всякие морализаторские оценки ее событий и результатов. И нам остается лишь ломать голову над тем, как и почему это случилось.

Было бы также недостаточно объяснять эту борьбу против религии и церкви тем, что последняя оказалась на стороне контрреволюции и что вожди революции организовали эту борьбу в угоду марксистской доктрине относительно религии. На религию и церковь действительно были обрушены репрессии сверху. Марксистская доктрина, несомненно, сыграла какую-то роль в деятельности отдельных людей. Но дело не столько в этом и даже в каком-то смысле совсем не в этом. Это лишь поверхность исторического процесса, его пена, а не глубинный поток. Дело тут главным образом в том, что массы населения, совершенно незнакомые с марксистской или иной доктриной, сами с ликованием ринулись в безбожие как в новую религию, сулившую им рай на земле и в ближайшем будущем. Более того, они ринулись в безбожие даже не ради этого рая, в который они в глубине души никогда не верили, а ради самого безбожия как такового. Это была трагедия для многих людей. Но для еще большего числа людей это был беспрецедентный в истории человечества праздник освобождения от пут религии. Какую бы великую историческую роль религия ни играла, она играла эту роль, накладывая на людей тяжелые обязательства и ограничения на их поведение. Религия действительно давала людям то, на что она и претендовала, но она при этом взваливала на людей тяжелый груз и служила средством их порабощения. Подобно тому, как многомиллионные массы населения в революцию и в Гражданскую войну сбросили путы социального гнета, игнорируя все их позитивное значение и не имея ни малейшего представления о том социальном закреплении, которое их ожидало в будущем, они в последующий мирный период сбросили путы религиозного духовного гнета, даже не подозревая о том, какого рода духовное закреплении идет ему на смену. Новое закреплении приходило к ним прежде всего как освобождение от старого, которое, согласно законам массовой психологии, воспринимается как наихудшее. Массы населения сами шли навстречу насилию и обману сверху. Они стимулировали его, становились его носителями и исполнителями. Без поддержки населения власти не смогли бы добиться такой блистательной и стремительной победы над религией, прораставшей в душах людей в течение

многих столетий. Репрессии и обман «сверху» означали в тех условиях организацию самих масс на эти репрессии и этот обман.

Но это было не только насилие и самонасилие, не только обман и самообман. Чтобы новое общество, рожденное революцией, выжило и укрепилось, ему необходимо было определенным образом перевоспитать и воспитать многомиллионные массы населения, породить многие миллионы более или менее образованных людей, способных хотя бы на самом минимальном уровне выполнять бесчисленные и разнообразные функции в обществе, начиная от простых рабочих и кончая государственными руководителями всех рангов и профилей. Коммунистическая идеология должна была в этом беспрецедентном в истории социальном, культурном и духовном перевороте сыграть решающую роль. Религия и церковь, доставшиеся в наследство от прошлого, разрушенного революцией социального устройства, встали на пути этого переворота как одно из главных препятствий. Началась битва за души и умы масс населения. Коммунистическая идеология должна была занять в обществе то место, какое до революции занимала религия, причем всемерно и всесторонне расширить и усилить эту роль.

Сталинская национальная политика. Одной из многочисленных несправедливостей в оценке Сталина и сталинизма является то, что на них сваливают вину и за те национальные проблемы, которые возникли в результате разгрома советского блока, Советского Союза и советского (коммунистического) социального строя в странах этого региона. А между тем именно в сталинские годы имело место наилучшее решение национальных проблем из всего того, что было известно в истории человечества. Именно в сталинские годы началось формирование новой, наднациональной и действительно братской (по установкам и в главной тенденции) человеческой общности. Сейчас, когда сталинская эпоха стала достоянием истории, важнее не выискивать недостатки ее, а подчеркивать достигнутые на самом деле успехи интернационализма. Я не имею возможности в этой статье останавливаться на данной теме. Замечу лишь одно: для моего поколения, сформировавшегося в довоенные годы, национальные проблемы считались решенными. Они стали искусственно раздуваться и провоцироваться в послесталинские годы как одно из средств «холодной войны» Запада против нашей страны.

Сталин и международный коммунизм. Тема международной роли Сталина и сталинизма точно так же выходит за рамки цели моей статьи. Ограничусь лишь кратким замечанием. Сталин начал свою великую миссию по построению реального коммунистического общества с решительного отрицания общепринятой догмы классического марксизма, будто коммунизм можно построить только во многих передовых западных странах одновременно и с провозглашения лозунга построения коммунизма в одной отдельно взятой стране. И это намерение он осуществил. Более того, он сознательно встал на путь использования достижений коммунизма в одной стране для распространения его по всей планете. К концу сталинского правления коммунизм действительно начал стремительно завоевывать планету. Лозунг коммунизма как светлого будущего всего человечества выглядел как никогда реальным. И как бы мы ни относились к коммунизму и к Сталину, бесспорным остается тот факт, что никакой другой политический деятель в истории не добивался такого успеха, как Сталин. И ненависть к нему до сих пор не угасает не столько из-за причиненного им зла (многие в этом отношении превзошли его), сколько из-за этого его беспримерного личного успеха.

Триумф сталинизма. Война 1941–1945 годов против гитлеровской Германии была величайшим испытанием для сталинизма и лично для самого Сталина. И надо признать как бесспорный факт, что они это испытание выдержали: величайшая в истории человечества война против сильнейшего и страшнейшего в военном и во всех прочих аспектах врага завершилась триумфальной победой нашей страны, причем главными факторами победы явились, во-первых, коммунистический социальный строй, установившийся в нашей стране в результате Октябрьской революции 1917 года, и, во-вторых, сталинизм как строитель этого строя и

лично Сталин как руководитель этого строительства и как организатор жизни страны в военные годы и Главнокомандующий вооруженными силами страны.

Казалось, что все баталии Наполеона в совокупности ничто в сравнении с этой батальей Сталина. Наполеон в конечном итоге был разгромлен, а Сталин одержал триумфальную победу, причем вопреки всем прогнозам тех лет, предрекавшим скорую победу Гитлеру. Казалось, что победителя не судят. Но в отношении Сталина все делается наоборот: тьма пигмеев всех сортов прилагает титанические усилия к тому, чтобы сфальсифицировать историю и украсть это великое историческое деяние у Сталина и сталинизма. К стыду своему должен признаться, что я отдал дань такому отношению к Сталину как к руководителю страны в годы подготовки к войне и в годы войны, когда был антисталинистом и очевидцем событий тех лет. Прошло много лет учебы, исследований и размышлений, прежде чем на вопрос «А как бы поступал ты сам, окажись на месте Сталина?», я ответил себе: «Я не смог бы поступать лучше, чем Сталин».

И что только не инкриминируют Сталину в связи с войной! Послушать этих «стратегов» (о них поэт еще в XIX веке сказал: «Каждый мнит себя стратегом, глядя бой со стороны»), так глупее, трусливее и т. п. человека на вершине власти, чем Сталин в те годы, не придумаешь. Сталин якобы не готовил страну к войне. На самом деле Сталин с первых дней пребывания у власти знал, что нам нападения со стороны Запада не избежать. А с приходом Гитлера к власти в Германии знал, что воевать нам придется именно с немцами. Даже мы, школьники тех лет, знали это как аксиому. А Сталин не просто предвидел это, он готовил страну к войне. Но одно дело – организовать и мобилизовать наличные ресурсы с целью подготовиться к войне. И другое дело – создать эти ресурсы. А чтобы создать их в условиях страны тех лет, нужна была индустриализация, а для индустриализации нужна была коллективизация сельского хозяйства, нужна была культурная и идеологическая революция, нужно было образование населения и многое другое. И все это требовало титанических усилий в течение многих лет. Я сомневаюсь в том, что какое-то другое руководство страны, отличное от сталинского, справилось бы с этой задачей. Сталинское справилось.

Стало буквально штампом приписывать Сталину, будто он прозевал начало войны, не поверил донесениям разведки, будто поверил Гитлеру и т. п. Я не знаю, чего больше в такого рода утверждениях – интеллектуального идиотизма или умышленной подлости. Сталин готовил страну к войне. Но далеко не все зависело от него. Мы просто не успевали как следует подготовиться. Да и западные стратеги, манипулировавшие Гитлером, как и сам Гитлер, были не дураки. Им нужно было разгромить Советский Союз, напав на него раньше, чем он подготовится лучше к отражению нападения. Это все банально. Неужели один из самых выдающихся политических стратегов в истории человечества не понимал таких банальностей? Понимал. Но он к тому же участвовал в мировой стратегической «игре», стремился любой ценой отсрочить начало войны. Допустим, он в этом шаге истории проиграл. Зато он с лихвой компенсировал неудачу в других шагах. История ведь не остановилась на этом.

На Сталина сваливают вину за поражения Советской Армии в начале войны и за многое другое. Не буду утруждать читателя анализом такого рода явлений. Сформулирую лишь мой общий вывод. Я убежден в том, что в понимании совокупной ситуации на планете в годы Второй мировой войны, включая как часть войну Советского Союза против Германии, Сталин был на голову выше всех крупнейших политиков, теоретиков и полководцев, так или иначе вовлеченных в войну. Было бы преувеличением утверждать, будто Сталин все предвидел и планировал в ходе войны. Конечно, было и предвидение, было и планирование. Но не меньше было и непредвиденного, непланируемого и нежелательного. Это очевидно. Но важно тут другое: Сталин правильно оценивал происходившее и использовал в интересах победы даже наши тяжелые поражения. Он мыслил и поступал, можно сказать, по-кутузовски. И это была военная стратегия, наиболее адекватная реальным и конкретным, а не воображаемым условиям тех

лет. Если даже допустить, что Сталин поддался на гитлеровский обман в начале войны (во что я не могу поверить), то он блестяще использовал факт гитлеровской агрессии для привлечения на свою сторону мирового общественного мнения, что сыграло свою роль в расколе Запада и образовании антигитлеровской коалиции. Нечто подобное имело место и в других тяжелых для нашей страны ситуациях.

Заслуги Сталина в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов настолько значительны и бесспорны, что было бы проявлением элементарной исторической справедливости вернуть имя Сталина городу на Волге, где произошла важнейшая битва войны. Пятидесятилетие со дня смерти Сталина подходящий повод для этого.

Сталин и Гитлер. Один из способов фальсификации и дискредитации Сталина и сталинизма – отождествление их с Гитлером и соответственно с немецким нацизмом. То, что между этими явлениями имеет место сходство, не дает оснований для их отождествления. На таком основании можно обвинить в сталинизме и Брежнева, и Горбачева, и Ельцина, и Путина, и Буша и многих других. Конечно, тут влияние было. Но влияние Сталина на Гитлера было большее, чем второго на первого. Кроме того, тут действовал социальный закон взаимного уподобления социальных противников. Такое уподобление в свое время фиксировали западные социологи в отношении советской и западнистской социальных систем – я имею в виду теорию конвергенции (сближения) этих систем.

Но главное не в сходстве сталинизма и нацизма (и фашизма), а в их качественном различии. Нацизм (и фашизм) есть явление в рамках западнистской (капиталистической) социальной системы в ее политической и идеологической сферах. А сталинизм есть социальная революция в самих основах социальной системы и начальная стадия эволюции коммунистической социальной системы, а не только явление в политике и идеологии. Не случайно потому имела место такая ненависть нацистов (фашистов) к коммунизму. Хозяева западного мира поощряли нацизм (фашизм) как антикоммунизм, как средство борьбы с коммунизмом.

И не забывайте, что Гитлер потерпел позорное поражение, а Сталин одержал беспрецедентную в истории победу. И не мешало бы нынешним антисталинистам подумать о том, в каких конкретно исторических условиях это происходило и какое грандиозное влияние на человечество и на ход мировой истории оказала эта победа.

И если уж проводить аналогии исторических деятелей, то последователем Сталина стал исторический великан Мао Цзэдун, а последователем Гитлера – исторический пигмей Буш-младший. Но о такой глубокой и далеко идущей аналогии нынешние антисталинисты помалкивают.

Десталинизация. Фактическая борьба против крайностей сталинизма началась еще в сталинские годы задолго до непомерно раздутого доклада Хрущева на двадцатом съезде КПСС. Она шла в недрах советского общества. Сам Сталин заметил необходимость перемен, и свидетелем тому было достаточно. Доклад Хрущева был не началом десталинизации, а итогом начавшейся борьбы за нее в массе населения. Хрущев использовал фактически начавшуюся десталинизацию страны в интересах личной власти. Придя к власти, он отчасти способствовал процессу десталинизации, а отчасти приложил усилия к тому, чтобы удержать его в определенных рамках. Он все-таки был одним из деятелей сталинской правящей верхушки. На его совести преступлений сталинизма было не меньше, чем на других ближайших сподвижниках Сталина. Он был сталинистом до мозга костей. И даже десталинизацию проводил волюнтаристскими сталинскими методами. Десталинизация была сложным и противоречивым процессом. И нелепо приписывать ее усилиям и воле одного человека с интеллектом среднего партийного чиновника и с повадками клоуна.

Что означала десталинизация по существу, с социологической точки зрения? Сталинизм как определенная совокупность принципов организации деловой жизни страны, масс населения, управления, поддержания порядка, идеологической обработки, воспитания и образова-

ния населения страны и т. д. сыграл великую историческую роль, построив в труднейших условиях основы коммунистической социальной организации и защитив их от нападений извне. Но он исчерпал себя, став помехой для нормальной жизни страны и ее дальнейшей эволюции. В стране отчасти благодаря, а отчасти вопреки ему созрели силы и возможности для его преодоления. Именно для преодоления в смысле перехода на новую, более высокую ступень эволюции коммунизма. В брежневские годы эту ступень назвали развитым социализмом. Но как бы ни называли, подъем произошел на самом деле. В годы войны и в послевоенные годы предприятия и учреждения страны уже во многом стали функционировать не по-сталински. Достаточно сказать, что число деловых коллективов государственного значения (заводов, школ, институтов, больниц, театров и т. п.) к середине брежневских лет увеличилось сравнительно со сталинскими годами в сотни раз, так что оценка брежневских лет как застойных есть идеологическая ложь. Благодаря сталинской культурной революции качественно изменился человеческий материал страны. В сфере власти и управления сложился государственный чиновничий аппарат и партийный сверхгосударственный аппарат, который был эффективнее сталинского народовластия и сделал последнее излишним. Уровень государственной идеологии перестал соответствовать возросшему образовательному уровню населения. Одним словом, десталинизация происходила как естественный процесс созревания русского коммунизма, перехода его в рутинное зрелое состояние.

Снятие Хрущева и приход на его место Брежнева произошли как заурядный спектакль в заурядной жизни партийной правящей верхушки, как смена одной правящей клики другою. Хрущевский «переворот», несмотря на то что и он был верхушечным с точки зрения смены личностей у власти, был прежде всего переворотом социальным. Брежневский же «переворот» был таковым лишь в высших сферах власти. Он был направлен не против того состояния общества, какое сложилось в хрущевские годы, а против нелепостей хрущевского руководства, против Хрущева лично, против хрущевского волюнтаризма, который перерос в авантюризм. С социологической точки зрения брежневский период стал продолжением хрущевского, но без крайностей переходного периода.

В результате десталинизации на место коммунистической диктатуры сталинского периода пришла коммунистическая демократия хрущевского и затем брежневского периода. Я связываю этот период с именем Брежнева, а не Хрущева, поскольку хрущевский период был лишь переходным к брежневскому. Именно второй явился альтернативой сталинизму, причем самой радикальной в рамках коммунизма. Сталинский стиль руководства был волюнтаристским: высшая власть стремилась насильно заставить подвластных граждан жить и работать так, как хотелось ей, власти. Брежневский же стиль руководства оказался приспособленческим: сама высшая власть приспособлялась к объективно складывавшимся обстоятельствам. Другая черта брежневизма – система сталинского народовластия уступила место системе административно-бюрократической. И третья черта – превращение партийного аппарата в основу, ядро и скелет всей системы власти и управления.

Сталинизм не потерпел крах, как утверждают нынешние антисталинисты. Он одержал блистательную победу. Он сошел со сцены истории, исчерпав себя и сыграв свою роль еще в послевоенные годы. Сошел осмеянный и осужденный, но непонятый.

Москва, 2003

Часть вторая ПЕРЕЛОМНЫЙ ПЕРИОД

Горбачевизм

Словом «перестройка» называют период советской истории, начавшийся с приходом к высшей власти в Советском Союзе (с избранием на пост Генерального секретаря ЦК КПСС) М.С. Горбачева в 1985 году, а также преобразования (реформы) в Советском Союзе по инициативе и под руководством Горбачева. Характерные черты деятельности горбачевского руководства (власти) я называю словом «горбачевизм». Ниже я кратко рассмотрю некоторые из них, представляющие социологический интерес. При этом я не намерен объяснять современную ситуацию в советской системе власти и управления личными качествами Горбачева и особенностями его поколения партийных работников, как это обычно делают пишущие на эту тему. Личные качества отдельных исторических деятелей и особенности целых поколений таких деятелей играют важную роль в историческом процессе лишь в той мере, в какой они соответствуют объективным потребностям, возможностям и закономерностям этого процесса. Поэтому я использую имя Горбачева лишь постольку, поскольку именно этот советский партийный карьерист-чиновник волею обстоятельств оказался выразителем и олицетворением определенного явления советской истории.

О тех людях, которые образовали инициативное ядро горбачевского руководства (горбачевизма), я начал писать уже в книге «Зияющие высоты» (1976). Тогда они находились на средних ступенях власти и второстепенных постах, но уже уверенно двигались к ее вершинам. В той же книге я предсказал их приход к высшей власти и форму их демагогии. Например, в конце книги один из персонажей, будущий перестройщик, выдвинул идею гласности как начало преобразований. И именно с лозунга и политики гласности горбачевское руководство приступило к своей перестройке.

Непосредственно о горбачевизме я начал писать и говорить в публичных выступлениях с первых же его шагов на исторической арене. В одном из первых выступлений я ввел в употребление термин «катастрофика», предсказав неизбежность катастрофических последствий перестройки. Впрочем, я этим предсказанием не горжусь, ибо эти последствия были очевидны и ряду других западных аналитиков. За короткое время мною опубликованы буквально десятки статей и интервью о горбачевизме. Уже в 1987 году в Швейцарии, Франции, Голландии, Канаде и Чили был опубликован сборник моих выступлений о горбачевизме, а в 1988-м он был переиздан в Нью-Йорке. Это говорит о том, какой огромный интерес имел место в мире к событиям в Советском Союзе. Показательно то, что почти никто не высказывал опасения, что Советский Союз преодолет трудности и окрепнет в результате перестройки. Ее воспринимали больше как начало падения «империи зла» (так называли тогда Советский Союз его злейшие враги). Ниже я кратко изложу основные идеи упомянутых моих выступлений.

Феномен Андропова. Горбачев начал свою деятельность перестройщика как наследник той линии в советском руководстве, родоначальником которой был Ю.В. Андропов. Вернее, последний сделал лишь попытку в этом направлении. Он умер, не успев дать имя этой линии. Горбачев имел шансы прожить дольше и обнаружить все потенции ее. Потому данному явлению предстоит войти в историю скорее не под именем андроповизма, а под именем именно горбачевизма.

Приход Андропова, бывшего в течение многих лет главой КГБ (а что это такое – нет надобности пояснять), к высшей власти был в советской системе преемственности власти явлением из ряда вон выходящим, но не случайным. Напомню читателю о том, что первая попытка

прихода к высшей власти шефа КГБ Берии провалилась. Провалилась и вторая попытка такого рода – Шелепина. Это и понятно. Репутация главы КГБ была тогда еще слишком одиозной. Приход такого человека к высшей власти нанес бы огромный ущерб стране во внешних отношениях, а внутри страны – самому высшему руководству. Теперь же ситуация в мире и в стране изменилась настолько радикально, что именно репутация Андропова как бывшего главы КГБ сработала в его пользу. Положение в стране в конце брежневского правления было очень тяжелое. Коррупция достигла высочайшего уровня. Трудовая дисциплина упала даже ниже привычного низкого уровня. Уровень же пьянства превысил все прошлые рекорды. Каково стало положение в экономике – общеизвестно. Пожалуй, лишь одно ведомство добилось выдающихся успехов. Была сломлена оппозиция. Советская агентура на Западе достигла неслыханных масштабов. КГБ стал силой, играющей существенную роль в военной сфере, в экономике и в политике. Среди высших руководителей шеф КГБ был лучше всех осведомлен о положении в стране и в мире, причем объективно, без иллюзий, очковтирательства, без идеологической болтовни. В его распоряжении был мощный аппарат исполнительной и карательной власти. Он был способен пойти на серьезные меры, взять на себя ответственность за исправление тяжелого положения в стране.

Исторические явления всегда бывают результатом совпадения обстоятельств. В конкретном факте допуска к высшей власти именно Андропова сыграло роль также то, что ни одна из группировок в высшем эшелоне власти не получила подавляющего перевеса. Так что Андропов стал отчасти фигурой компромиссной. Он был болен, и из этого не делалось тайны. Более того, создавалось впечатление, что это даже подчеркивали. В его распоряжении не было времени, необходимого для создания аппарата личной власти вроде брежневского. Он был допущен к власти как временная фигура, наиболее подходящая для непопулярных чрезвычайных мер, без которых было невозможно остановить движение страны к глубокому и всестороннему кризису.

Одно дело – занять высший пост в системе власти, и другое дело – удержаться на этом посту и суметь осуществить свои замыслы. Приступив к выполнению последних, Андропов неизбежно столкнулся с объективными условиями и закономерностями советской социальной системы, которые низвели его с небес мыслей и слов на землю неумолимой реальности. И с первых же шагов своего правления он из выдающегося главы КГБ стал превращаться в заурядного Генерального секретаря ЦК КПСС. Если внимательно проанализировать то, что удалось сделать ему (раздувание в пропаганде и в рутинной суеде борьбы против пьянства и нарушений трудовой дисциплины, борьбы за повышение производительности труда и эффективности предприятий и т. д.), то можно заметить, что он лишь успел напугать правящие и привилегированные круги советского общества перспективой преобразований. И если ему не помогли умереть, то смерть его была для них очень кстати. Преемником его стал К.У. Черненко – бледная тень Брежнева. Отнюдь не соображения государственной целесообразности сыграли решающую роль в его избрании, а чисто эгоистические интересы все еще сильной брежневской мафии и страх перед перспективами андроповских преобразований для себя.

Социальный хамелеон. Прежде чем говорить непосредственно о горбачевизме, хочу обратить внимание на одну черту советской системы власти. В отношении к ней не столько трудно, сколько в принципе невозможно найти однозначное объяснение причин, мотивов и намерений властей, не впадая в ошибки. Дело в том, что все более или менее значительные действия (решения, мероприятия, кампании и т. п.) властей в советском обществе неоднозначны и неустойчивы с точки зрения их мотивации, намерений и интерпретации. Совершенно незначительное явление здесь может послужить толчком к принятию важного решения. Затем этот исходный мотив может вообще исчезнуть и быть забытым, уступив место мотивам иного рода, возникшим уже в ходе принятия и даже исполнения решения. По мере осуществления какого-либо решения могут измениться его мотивы и цели. Результат осуществления решения вообще может отличаться от того, что было задумано в самом начале, и все компоненты ситу-

ации решения могут быть пересмотрены и заменены новыми. В процессе выработки, принятия и исполнения решения возможно возникновение новых намерений и забвение прежних. Причем все это облекается в словесные формы, которые обычно не совпадают с существом дела. В языке властей преобладающим есть много такого, что имеет различный смысл для участников аппарата власти и для посторонних наблюдателей.

То, что я только что высказал, характеризует лишь в малой степени сложность, аморфность, изменчивость ситуации действий властей. Все то, что воплощается в официальных документах, попадает на страницы прессы и потом входит в исторические книги, на самом деле есть лишь одна из возможных интерпретаций прошлого, обычно мало общего имеющая с тем, как протекал процесс на самом деле.

Сказанное целиком и полностью относится и к феномену горбачевизма. Судить об этом феномене на основе партийных документов, сообщений, прессы, речей партийных вождей и всякого рода их помощников и лакеев, на основе бесед ответственных лиц с журналистами и западными политиками и т. п. – значит заранее обрекать себя на односторонность, поверхностность, иллюзии, искажение масштабов и важности событий, то есть обрекать себя на явные заблуждения. Горбачевизм обладает рассмотренным выше качеством хамелеонства в удесятенной степени сравнительно с его предшественниками. В нем отразились явления в жизни человечества в нашу эпоху во всей их сложности, запутанности, текучести, изменчивости и противоречивости. В описании его неизбежны суждения, которые могут показаться несовместимыми и исключаящими друг друга. Он явился результатом, проявлением, компонентом и активным стимулятором кризиса советского коммунизма, причем первого в истории человечества специфически коммунистического кризиса коммунизма. Инициаторы и участники перестройки не осознают эту ситуацию как кризисную. Более того, они не имеют научного понимания своей социальной системы, как это признал Андропов незадолго перед смертью. Так что их поведение напоминает беспорядочные действия слепцов в состоянии паники.

Принудительная трезвость. Горбачев начал реформаторскую деятельность с антиалкогольной кампании, которая принесла ему в народе презрительную кличку Минеральный секретарь. На примере этой кампании с самого начала горбачевизма обнаруживается ряд его черт.

Это прежде всего принудительность реформ. Какие бы факты ни придавались гласности и какие бы слова ни произносились по их поводу, при всех обстоятельствах остается неизбывным одно: принудительность мер по преодолению реальных и мнимых пороков советской реальности. Это – неотъемлемое качество горбачевской «революции сверху». А чем это кончается, советский народ знает на личном опыте: провалом.

В прессе реформы сопровождаются безудержным признанием пороков – гласность! Это признание сочетается с удивительно плоскими размышлениями по их поводу. Глубокомыслие советских ученых, философов, журналистов, писателей и партийных деятелей достигает высот глупости, какие были немыслимы даже в сталинские годы. Например, один видный ученый усмотрел причину падения нравственности среди школьников в избыточном питании. И это в условиях массового дефицита продовольствия! Другой известный мыслитель предложил «ввести принудительную, обязательную для всех трезвость как непреложный закон для каждого» (это его подлинные слова). Отметив тот факт, что принудительная трезвость не дала положительного результата в капиталистических странах, советский мыслитель утверждает, что в капиталистических странах «подобный закон не мог быть проведен в жизнь в силу эксплуататорских условий жизни», что «капиталисты заинтересованы в спаивании народа». А в Советском Союзе, по его словам, «весь уклад жизни основан на заботе о населении», и «авторитет партии и советской власти обеспечат проведение в жизнь закона о принудительной трезвости».

На примере антиалкогольной кампании обнаруживаются и другие черты горбачевского реформаторства, например – несоответствие слов реальным делам, последствий реформ –

замыслам. Пьянство не прекратилось, а усилилось и приняло ужасающие формы, условия жизни масс людей ухудшились (вместо обещанного спасения от всяческих зол).

Отсутствие трезвости. Горбачевизм навязывает советскому населению трезвость в прямом смысле слова. Но ему самому не хватает трезвости в широком смысле этого слова – трезвости в оценке фактического положения в мире и в стране, в оценке реальных возможностей советской социальной системы и ее перспектив. Советское руководство начиная с Ленина довольно часто проявляло трезвость как во внешней, так и во внутренней политике. Эта трезвость всегда базировалась на некоторой практической необходимости и элементарном здравом смысле, но никогда – на научном анализе объективных закономерностей и тенденций самой коммунистической социальной системы как таковой.

Научный анализ системы не требовался самими обстоятельствами и характером стоявших проблем. Например, никакая серьезная наука не требовалась для того, чтобы допустить НЭП как временное средство преодоления продовольственных и других трудностей. Не требовалась такая наука и для того, чтобы понять необходимость индустриализации страны в интересах выживания и обороны. Государственная идеология (марксизм-ленинизм), сама претендовавшая на роль высшей науки и до некоторой степени удовлетворявшая нужды руководства, исключала научный подход к советскому обществу. Последний с точки зрения идеологии выглядел как злобная клевета на советский общественный строй, как антисоветская деятельность, гораздо более опасная для системы, чем любые атаки со стороны врагов.

Но теперь положение в стране и во всем мире сложилось такое, что трезвый подход советского руководства к назревшим проблемам просто невозможен без научного, беспощадно объективного понимания самой сущности коммунистической системы, ее закономерностей и тенденций. У горбачевского руководства хватило ума признать очевидные всем общеизвестные недостатки советского общества и констатировать проблемы, от которых уже нельзя было дальше уклониться.

Но у него не хватило ни ума, ни мужества для того, чтобы допустить научное понимание самой сущности социальной системы, реальных причин очевидных недостатков и тех возможностей и «невозможностей», которые лежат в самой системе. У него не хватило ни ума, ни мужества для того, чтобы выработать программу действий в соответствии с природой руководимой системы, а не с субъективными представлениями о ней и амбициями некоторой части партийных чиновников, дорвавшихся до власти.

Отсутствие разумной трезвости сказывается буквально в каждом действии горбачевцев. Возьмем, например, их отношение к административно-бюрократическому аппарату. Он приобрел огромную власть не по недосмотру высшего начальства, а совершенно естественно, вырос из самого базиса общества. Коммунизм без этого аппарата так же невозможен, как капитализм без денег, без прибыли, без конкуренции, без банков. В условиях обобществления средств производства в масштабах страны и объединения всей деловой жизни в единый социальный организм с необходимостью возникает гигантская система власти и управления. Эта система имеет свои неумолимые законы функционирования, неподвластные никаким постановлениям ЦК, никаким призывам вождей. Можно снять человека с какого-то поста в этой системе. Но нельзя отменить сам пост. Даже если такая отмена состоится формально, фактически отмененный пост так или иначе будет заменен новым. Причем пост определяет и то, каким будет поведение его обладателя. Уклонения от нормы при этом не отменяют норму.

Попытки Горбачева обращаться непосредственно к неким народным массам через голову аппарата власти и управления выглядят просто смешотворно. Это либо демагогия, рассчитанная на простаков, либо непроходимая глупость. Такое обращение вождя непосредственно к массам было уместно и давало эффект в сталинские годы, то есть юности советского общества. Теперь это общество превратилось в зрелый социальный организм. Народных масс в старом смысле слова нет. Есть низшие слои, не играющие решающей роли в деловой жизни страны.

Огромное число чиновников само входит в массу населения (в «народ»). Обращаться прямо к некоему «народу», минуя их, как это позволяют теперь средства массовой информации (особенно телевидение) и как это делают горбачевцы, значит заменять реальное управление страной на видимость такового, прикрывать фактическое разрушение системы управления болтовней о ее усовершенствовании. Так обстоит дело со всеми горбачевскими новшествами в этом важнейшем подразделении советской социальной организации. Невольно напрашивается вывод: горбачевизм есть стремление бездарных и научно безграмотных, но тщеславных партийных карьеристов перехитрить не только людей, но и объективные социальные законы. Горбачев говорит, что он любит «советоваться с Лениным», т. е. читать сочинения Ленина. Если уж он искренне хочет блага стране и народу, ему в первую очередь следовало бы забросить подальше сочинения классиков марксизма и советоваться с теми, кто действительно стремится к научному пониманию современности. Но, судя по всему, в окружении Горбачева таких людей нет. Тенденция отбросить марксизм, включая ленинизм, есть. Но не ради научного подхода к советской реальности, а скорее ради западных столь же ненаучных представлений о нем.

Уникально в сложившейся ситуации то, что именно высшее советское руководство фактически выражает теперь неверие в идеалы коммунизма и в специфически коммунистические методы организации жизнедеятельности общества и управления им.

Горбачевизм и Запад. Проблемы, которые назрели в Советском Союзе, хотя и являются проблемами внутренними, возникли как результат взаимоотношений Советского Союза с Западом. По замыслу идеологов коммунизма, коммунистическое общество должно превзойти передовые капиталистические страны (Запад) по производительности труда, по экономической эффективности предприятий и вообще по всем показателям деловой жизни. С первых же дней существования советского общества был выдвинут лозунг «Догнать и перегнать капиталистические страны» в этом отношении. Предполагалось осуществить этот лозунг в кратчайшие сроки. Но прошло почти семьдесят лет, а этот лозунг не только не осуществился, но стал казаться еще более утопическим, чем в первые годы после революции. Его ослабили, потихоньку опустив вторую часть («перегнать») и оставив только первую – «догнать». Изменилась несколько и его формулировка: стали говорить о том, чтобы подняться до мирового уровня.

Советское общество всю свою историю металось между двумя крайностями – между отторжением от Запада и преклонением перед ним. Первая выразилась в создании «железного занавеса» в сталинские годы, вторая становится доминирующей сейчас. Горбачевцы хотят поднять рентабельность предприятий, повысить технологический уровень промышленности, усовершенствовать систему управления и т. д. Повысить, улучшить, усовершенствовать, а в сравнении с чем и с какой целью? Прогресс ради прогресса? Нет, в серьезной истории так не бывает. Не будь Запада, состояние советской экономики и системы управления превозносились бы как верх совершенства. Не будь Запада, жизненные условия населения в Советском Союзе превозносились бы как рай земной, почти как «полный коммунизм». Запад – вот что стало мерилом и образцом для преобразований, которые пытается осуществить горбачевское руководство. Но оно при этом намерено догонять Запад (возвышаться на уровень Запада) не за счет специфически коммунистических средств, а за счет средств, заимствованных у Запада, – подражая Западу, уподобляясь ему.

И не следует забывать о том, что уже почти сорок лет шла «холодная война» западного мира во главе с США против Советского Союза и стран советского блока. В ней Запад активно вмешивался во внутреннюю жизнь Советского Союза, оказывал огромное влияние на идеологическое состояние советского населения, особенно на интеллигентскую среду, высшие слои и высшее руководство. Последнее было прочно заражено идеологией «социализма (коммунизма) с человеческим лицом», фактически означавшей ослабление советского режима в духе западного либерализма. Диссидентское движение было бы невозможно без поддержки со стороны Запада. Приход горбачевцев к высшей власти был оценен на Западе как победа диссидентских

умонастроений, а самого Горбачева стали рассматривать как «диссидента на советском престоле».

Горбачевцы заверяют, что они «не отойдут от социализма в сторону рыночной экономики, идеологического плюрализма и западной демократии». Но способны ли они удержаться от этого на самом деле и удержать страну в рамках социализма?

Революция сверху. Западные средства массовой информации назвали горбачевскую перестройку революцией сверху. Это понравилось горбачевцам, и они сами стали рассматривать свою реформаторскую суету как революцию, осуществляемую по инициативе высшего руководства (и, разумеется, лично Горбачева), по указаниям высшего руководства и под его контролем.

Употребление выражения «революция» в применении к кампаниям такого рода, как горбачевские, простительно западным деятелям культуры, журналистам и политикам, не имеющим строгих ограничений в словоупотреблении. Но когда поднаторевшие в марксизме советские партийные аппаратчики и оправдывающие их активность марксистско-ленинские теоретики начинают так легко обращаться с важнейшими категориями государственной советской идеологии, то невольно закрадывается сомнение: а в своем ли уме эти люди? Конечно, как говорится, своя рука владыка. Высшая советская власть является высшей властью и в идеологии. Она может позволить себе иногда пококетничать с фундаментальными понятиями подвластной идеологии. Тем более это так лестно – войти в историю в качестве революционера, причем революционера особого рода, совершившего переворот, можно сказать, в одиночку. «Что за человечество!»: Маркс, Ленин и Сталин, вместе взятые, были не способны на такое. А о Хрущеве и говорить нечего: мелочь!

Но дело в том, что и идеология имеет свои законы, неподвластные даже таким «революционерам» («диссидентам на троне»), как Горбачев. И нарушение этих законов не может пройти безнаказанно даже для тех, кто хозяйничает в идеологии. Советский народ, начавший семьдесят лет назад величайшую революцию в истории человечества (как его приучили думать), рано или поздно задастся вопросом: а действительно ли происходящее (а со временем – происходившее) в стране есть революция? А если это революция, то в какую сторону сравнительно с революцией, начатой в 1917 году? А что, если это контрреволюция по отношению к тому, ради чего советский народ пошел на неслыханные жертвы? Не случайно же западные «империалисты» и их лакеи хвалят Горбачева за эту «революцию»!

Вот в таком духе думает определенная часть советского населения. Причем число людей, думающих так, растёт и будет расти, поскольку горбачевские нововведения, принося какие-то выгоды незначительной части населения, нисколько не улучшают положения основной массы населения, а для значительной его части приносят явные ухудшения. С их точки зрения горбачевская «революция сверху» выглядит как покушение на основные завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, то есть именно как контрреволюция, осуществляемая сверху. И для такого мнения более чем достаточно оснований.

В области экономики имеют место попытки внедрить методы капитализма под видом «самофинансирования» и поощрения частного предпринимательства. Даже в 20-е годы Ленин, повторяю, допускал НЭП как временную меру и считал ее отступлением от идеалов революции. А после семидесяти лет успешного строительства коммунистического строя прибегать к методам, аналогичным НЭПу, – значит отступать перед капитализмом в условиях, когда никакое отступление не требуется.

Отступления от принципов государственного (планового) регулирования цен идут в том же направлении. В коммунистическом обществе коренным образом меняется роль денег и вообще денежной системы. А то, что делается в стране в отношении ценообразования и «самокупаемости», есть грубейшее нарушение принципов коммунистической экономики.

В вопиющем противоречии с идеями коммунизма находится также пропагандируемое в прессе намерение закрепить общественную собственность за трудовыми коллективами. Намерение повышать экономическую эффективность предприятий западными методами означает покушение на святая святых завоеваний революции – на гарантии в отношении трудоустройства. Цель коммунистических предприятий – не погоня за прибылью, а трудоустройство граждан и обеспечение им благополучного образа жизни, свободного от дефектов капитализма. В сфере управления обществом предпринимаются попытки нарушить ленинские принципы демократического централизма. В области культуры допущены западные влияния, приведшие к деморализации молодежи и идейной распущенности. В сфере быта обывательские интересы завладели душами людей. И в таком духе рядовой советский человек, воспитанный в рамках коммунистической идеологии и вкусивший преимуществ коммунистического образа жизни, рассматривает все явления горбачевской «революции».

Вопрос стоит так: есть ли эта «революция сверху» очередная руководящая кампания, фразеология и лозунги которой имеют лицемерный смысл, или она есть нечто серьезное, по сути дела, имеющее целью реальную перестройку жизни страны в буквальном соответствии с фразеологией и лозунгами?

Если это руководящий фарс, то он зашел слишком далеко, усилив идеологический и моральный кризис в стране. И тогда с ним надо кончать, пока не поздно. Если же это – серьезное намерение, то это есть контрреволюция по отношению к основным завоеваниям семидесятилетней советской истории. И в таком случае надо защищать эти завоевания. Иначе будет построен «демократический» коммунизм, в котором будут утрачены достоинства коммунизма, но не будут приобретены достоинства капитализма.

Кризис. Шумиха по поводу перестройки свидетельствует не столько о перспективах советского общества, сколько о его кризисном состоянии.

Я утверждаю, что это кризисное состояние является первым в истории реального коммунизма специфически коммунистическим кризисом в условиях нормального и даже успешного развития данного типа общества.

Я называю кризис такого рода социальным в отличие от характерных для капитализма кризисов экономических. Хотя подобный кризис обнаруживается прежде всего в экономике, его нельзя считать экономическим по причинам и по широте.

Тяжелое экономическое состояние страны здесь есть следствие более глубоких причин, лежащих в самом базисе коммунистического общества. А кризис охватил все сферы советского общества, включая экономику, управление, идеологию, культуру. Этот кризис есть результат суммарного действия всех основных феноменов коммунистической организации общества.

Можно доказать с математической убедительностью неизбежность таких кризисов. Разумеется, проявления их могут быть ослаблены и даже скрыты, как это имеет место в странах Запада при экономических кризисах. Но это не отменяет объективную закономерность, которая так или иначе даст о себе знать в виде тенденции к общему спаду в жизни общества.

Горбачевская перестройка есть не только проявление и следствие специфически коммунистического кризиса, но и поиск путей выхода из него. Этот кризис может быть преодолен лишь методами специфически коммунистическими, то есть методами, которые открыто применялись в сталинские годы и в завуалированной форме во все послесталинские годы.

Нынешнее советское руководство утратило веру в надежность этих средств и боится, что их применение вновь обнажит перед всем миром сущность коммунизма. Поэтому оно, впад в состояние растерянности перед лицом неумолимых законов истории, пытается заставить советское общество преодолевать специфически коммунистический кризис совсем некоммунистическими, западнообразными методами.

Но на этом пути трудности не преодолеваются, а лишь отодвигаются в будущее. Чем больше советское руководство добьется кажущихся успехов сейчас, тем серьезнее будут реаль-

ные трудности, которые возникнут в ближайшее время как неизбежное следствие этих временных успехов.

Заключение. Судьбу перестройки в конечном итоге решат не постановления ЦК КПСС, не советская пропаганда и даже не западные средства массовой информации, а реальные фундаментальные факторы советской и международной жизни. Чтобы предвидеть ее, надо найти объективные ответы на такие вопросы:

– каким слоям советского населения и в каких отношениях выгодна перестройка и каким нет?

– каковы общие выгоды для страны от перестройки, и каковы ее отрицательные последствия?

– как сказываются эти последствия на социальном строе страны, на идейно-моральном состоянии населения и на обороноспособности государства?

– к каким последствиям перестройка ведет во взаимоотношениях со странами советского блока и в самих этих странах?

– как реально складывается международная ситуация для Советского Союза, и как будет эволюционировать отношение к перестройке в мире в течение длительного времени?

Нью-Йорк, 1988

От коммунизма – к колониальной демократии

Моя позиция. У меня никогда не было никаких намерений и планов преобразования России. Нет их и сейчас. И вряд ли они появятся в будущем. Я не политический деятель, не идеолог и тем более не советчик, указующий людям, как им следует «обустраивать» свое общество. Я всего лишь исследователь. Мои намерения никогда не шли и не идут дальше желания понять российскую (а ранее советскую) реальность по возможности объективно и на основе своего понимания делать какие-то прогнозы относительно ее эволюции в будущем. Я изложил мое понимание в многочисленных публикациях, которые остались почти или совсем неизвестными в России. В числе этих публикаций – книги «Коммунизм как реальность», «Сила неверия», «Кризис коммунизма», «Светлое будущее», «В преддверии рая», «Желтый дом» и «Смута», до сих пор не опубликованные в России. А то, что как-то просочилось сюда, не дает адекватного представления о моих воззрениях.

У меня нет надежды на то, что отношение к моему творчеству в России может измениться к лучшему. Тем не менее я счел своим долгом высказаться по поводу положения в России и ее будущего.

Коммунизм. Слово «коммунизм» не отличается однозначностью и определенностью. Во избежание терминологической путаницы и бессмысленных терминологических споров я здесь словом «коммунизм» (или «коммунистический социальный строй») буду называть тип общественного устройства, какое можно было наблюдать в Советском Союзе до 1985 года, в странах советского блока в Восточной Европе, в Китае, Вьетнаме, Северной Корее и других странах. Что касается тех, кто считает, будто советское общество не было настоящим коммунизмом, я готов признать их мнение справедливым лишь при том условии, что они построят «настоящий коммунизм» в реальности, а не только в воображении.

Я отвергаю марксистское учение о двух стадиях коммунизма и о «полном коммунизме» как высшей стадии. Это учение нелепо с научной точки зрения. То, что мы видели в России в сталинские и особенно в брежневские годы, это и было настоящим и полным коммунизмом. И никакой другой в природе просто невозможен в силу объективных социальных законов. Он

может быть хуже или лучше в каких-то отношениях и в различных странах. Но суть его не может быть никакой иной.

Я отвергаю широко распространенное мнение, будто коммунизм в России чужд русской истории и русскому народу, будто он был навязан кучкой идеологов массам доброго и хорошего населения путем насилия и обмана, вопреки воле, желаниям и интересам масс. Коммунизм есть социальная организация огромных масс людей, а не просто политический режим. Он сложился в России не по марксистскому проекту – такого проекта вообще не было, – а в силу объективных законов организации больших масс людей в единый социальный организм, причем в условиях борьбы людей за самое обычное физическое выживание. Он явился результатом исторического творчества миллионов людей, которые либо вообще не имели никакого понятия о марксизме, либо знали его весьма смутно и интерпретировали его на свой лад. То, что получилось, лишь по некоторым признакам похоже на марксистские идеи. Говоря так, я ни в коем случае не подвергаю сомнению роль марксистских идей в борьбе людей за коммунистическое общество. Но идеи, вдохновляющие исторические движения, редко совпадают с сущностью этих движений буквально. Ведь и нынешние реформаторы российского общества вдохновляются такими идеями, которые мало что общего имеют с тем, что они творят на самом деле. Старая мудрость сохраняет неувядающую силу: дорога в ад вымощена благими намерениями.

Коммунизм в России возник не на пустом месте. Он имел здесь исторические предпосылки, исторические корни. Корни (предпосылки, зародыши, элементы) коммунизма существуют в самых различных обществах. Существовали они и в дореволюционной России. Существуют они и в странах Запада. Без них вообще невозможно никакое достаточно большое и развитое общество. Так что утверждение марксистов, будто коммунистические социальные отношения не вызревают в некоммунистическом обществе, просто фактически ложно. Корнями (зародышами, элементами) коммунизма являются социальные феномены, которые я назвал феноменами коммунальности. Они обусловлены тем, что большое число людей вынуждается в течение жизни многих поколений жить как единое целое, совместно. К ним относятся, например, объединения людей в группы, отношения начальствования и подчинения, государственные учреждения, профсоюзы, партии, полиция, армия, секретные службы и т. д. В определенных условиях коммунальные феномены могут стать доминирующими и всеобъемлющими в обществе и породить специфически коммунистический тип общественного устройства, как это и произошло в России после 1917 года.

Коммунистическое общество является не менее естественным социальным образованием, чем любое другое, и в том числе западное. Оно имеет свою специфическую социальную структуру и свои объективные закономерности функционирования. Эти структура и закономерности не имеют ничего общего с тем, как это общество изображалось в советской и тем более в западной идеологиях, претендующих на статус социальной науки, но не содержащих в себе ничего научного.

В западной идеологии и пропаганде, а вслед за ними и в прозападной российской пропаганде после 1985 года коммунистический (советский) период российской истории рассматривается как черный провал. Россию даже окрестили «империей зла». Я считаю это не просто заблуждением, а умышленной и беспрецедентной в истории человечества фальсификацией реальности. Коммунистическое общество, как и всякое другое, имеет свои недостатки – идеальных обществ вообще не существует. Но оно имеет и достоинства. Кстати сказать, на Западе в свое время именно заразительный пример достоинств коммунизма породил тревогу. Уже сейчас многие люди бывших коммунистических стран с тоской вспоминают о том, что они потеряли, разрушив коммунизм. И советский период русской истории был не провалом, а, наоборот, самым значительным периодом. Нужно быть просто циничным негодяем, чтобы отрицать то, что было достигнуто и сделано в этот период именно благодаря коммунизму. Потомки, которые более справедливо отнесутся к нашему времени, будут поражены тем, как

много было сделано в нашу эпоху, причем в тяжелейших исторических условиях. Я никогда не был и не являюсь апологетом коммунизма. Но самое элементарное чувство справедливости заставляет воздать ему должное.

При исследовании и описании коммунизма надо различать то, что вытекает из его внутренних закономерностей, и то, что связано с конкретными историческими условиями его возникновения и выживания, а также с условиями борьбы за существование в окружающей среде. Коммунизм в России возник в условиях краха монархической системы и ужасающей разрухи вследствие Первой мировой войны. Затем – Гражданская война и интервенция. Угроза реставрации дореволюционных порядков и нападения извне. Нищее и безграмотное население, разбросанное по огромной территории. Около ста различных национальностей и народностей с феодальными и даже родовыми социальными отношениями. Подготовка к войне с гитлеровской Германией и сама война, которая стоила Советскому Союзу беспрецедентных жертв. После короткой передышки – подготовка к новой войне и «холодная война». Если вырвать ситуацию в стране и политику советского руководства из этого исторического контекста, то она покажется серией глупостей и преступлений. Но это не было только глупостью и преступлением, хотя и глупостей было немало, а о преступлениях и говорить нечего. Это была трагическая и беспрецедентная по трудностям история. Будь в стране иной социальный строй, она была бы разрушена и растащена по кусочкам. Страна выжила главным образом благодаря новому социальному строю – коммунизму. И нельзя все дефекты жизни в СССР относить за счет коммунизма. Многие из них суть результат неблагоприятной истории.

Кризис коммунизма. Советская идеология, настаивая на неизбежности кризисов при капитализме, считала коммунистическое общество бескризисным. Это убеждение разделяли даже критики коммунизма. Не было сделано ни одного исследования, результатом которого явилось бы предсказание кризиса коммунизма или хотя бы вывод о его возможности. Были бесчисленные «предсказания» гибели коммунизма в Советском Союзе и других странах, но они не имели ничего общего с предсказанием именно кризиса. Он произошел неожиданно для политиков, специалистов и масс населения. Его стали осознавать как кризис лишь после того, как он разразился во всю мощь, да и то в не адекватной ему форме. Хотя кризис назрел уже в брежневские годы, даже Горбачеву еще не приходила в голову мысль о нем. Он начал свои маниакальные реформы в полной уверенности в том, что советское общество покорно подчинится его воле и призывам. Он сам больше, чем кто бы то ни было, способствовал развязыванию кризиса, не ведая о том.

Неожиданность кризиса объясняется многими причинами, и в их числе – отсутствием научной теории коммунистического общества. Нет надобности говорить о том, какой вид имело учение о коммунизме в советской идеологии. Его презирали, причем вполне заслуженно. На роль правдивого понимания претендовала критическая и разоблачительная литература и публицистика. Но и она не выходила за рамки идеологического способа мышления. За истину выдавался факт критичности. Чем больше чернилось все советское, тем более истинным это казалось или истолковывалось так умышленно.

На Западе положение было не лучше. Хотя сочинения западных авторов по форме выглядели более научно, по сути дела, они были даже дальше от истины, чем советские. Если советская идеология боялась обнаружения закономерности дефектов коммунизма, то западная идеология боялась признания достоинств его. С одной стороны, создавался апологетически ложный, а с другой стороны – критически ложный образ коммунизма. Например, в советской идеологии утверждалось, будто советское общество построено в соответствии с гениальными предначертаниями «научного коммунизма» Маркса и Ленина. В западной идеологии утверждалось, будто в основе советского общества лежит вздорная утопия глупого Маркса и кровавого Ленина. В советской идеологии утверждалось, будто коммунистические социальные отношения стали складываться лишь после революции. В западной идеологии утверждалось,

будто эти отношения навязаны массам советского населения силой и обманом после революции. Такой параллелизм можно увидеть по всем важнейшим вопросам, касающимся понимания советского общества и коммунизма вообще. С точки зрения научных критериев утверждения советской и западной идеологии суть явления однопорядковые. Сходно и их влияние на умы людей. Если, например, коммунистический строй в Советском Союзе не имеет общечеловеческих корней и предпосылок в прошлой истории страны, если он сначала был выдуман в теории и затем как-то навязан населению, то его тем же путем можно изменить в желаемом духе или отменить вообще законодательным путем и распоряжением властей. Именно такой идеологический идиотизм лежал в подсознании или сознании будущих реформаторов. Пускаясь в перестроечную авантюру, реформаторы и их идеологические лакеи полностью игнорировали не только реальность Запада, но и реальность своего собственного общества. Отрекаясь от своей идеологии, они тем самым не переходили автоматически к научному пониманию реальности, а лишь меняли ориентацию идеологизированного сознания на противоположную, то есть переходили на позиции западной идеологии.

Когда на факт кризиса уже стало невозможно закрывать глаза, его осознали в извращенной форме, а именно как некое обновление и выздоровление общества, как некую «перестройку». В советском руководстве и его интеллектуальном обслуживании не нашлось ни одного человека, кто посмотрел бы на реформоманию как на характерный признак именно кризиса. Вместо выяснения сущности и реальных причин кризиса все бросилось искать виновников нарастающих трудностей и козлов отпущения. И нашли их в том, на что указали западные наставники, – в лице Сталина, Брежнева, консерваторов, бюрократов, органов государственной безопасности, в партийном аппарате и, само собой разумеется, в идеологии.

Кризисы суть обычное явление в жизни всякого общества. Переживали кризисы античное, феодальное и капиталистическое общества. Нынешнее состояние западных стран многие специалисты считают кризисным. Кризис общества не есть еще его крах. Кризис есть отклонение от некоторых норм существования общества. Но не всякое отклонение есть кризис. Отклонение от норм может быть результатом природной катастрофы, эпидемии или внешнего нападения. В 1941–1942 годах Советский Союз был на грани гибели. Но это не был кризис коммунизма как социального строя. Наоборот, именно в эти тяжелые годы коммунизм обнаружил свою жизнеспособность. Кризис является таким отклонением от норм, которое возникает в результате действия внутренних закономерностей общества, причем в условиях его нормальной и даже успешной жизнедеятельности.

Каждому типу общества свойствен свой, характерный для него тип кризиса. Для капиталистического общества свойствен так называемый экономический кризис, который проявляется в перепроизводстве товаров, избыточности капиталов и дефиците сфер их приложения. Коммунистический кризис очевидным образом отличается от него. Он заключается, коротко говоря, в дезорганизации всего общественного организма, достигая в конце концов уровня дезорганизации всей системы власти и управления. Он охватывает все части и сферы общества, включая идеологию, экономику, культуру, общественную психологию, нравственное состояние населения. Но ядром его становится кризис системы власти и управления.

Ставя вопрос о причинах кризиса, надо различать по крайней мере такие факторы, играющие различную роль в его возникновении, как: 1) механизм потенциального кризиса; 2) условия, в которых возможность кризиса превращается в действительность; 3) толчок к кризису. Механизм потенциального кризиса образуют те же самые факторы, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность общества. Они органически присущи коммунистическому социальному строю. Они действуют всегда, порождая тенденции отклонения от его норм. Постепенно накапливаясь и суммируясь, эти отклонения создают предпосылки для кризиса. Чтобы описать механизм кризиса конкретно, нужно по мере описания общества в его нормальном («здоровом», идеальном) состоянии в каждом пункте описания указывать,

в чем именно заключается отклонение от нормы и почему оно происходит, то есть закономерность самого нарушения норм. Например, плановая экономика неизбежно порождает элементы хаоса и незапланированности, без которых вообще невозможно осуществление планов. Единство системы власти и управления порождает распад ее на враждующие группировки, причем мафиозного типа. Прогресс экономики, культуры и прочих аспектов общества порождает расхождение между потребностями управления и возможностями их удовлетворения. Тотальное идеологическое обольванивание порождает идеологический цинизм и ослабление иммунитета к влиянию враждебной идеологии. Общество вынуждено постоянно принимать меры против таких отклонений от норм, чтобы удерживать их в терпимых пределах. Но это удается лишь частично и до поры до времени.

Условия кризиса суть нечто внешнее для сущности коммунизма как такового. Они способствуют созреванию кризиса и его наступлению, но сами по себе не порождают его. Кризис мог произойти при других условиях, даже при противоположных. Его могло не быть и при данных условиях. Условия кризиса не обязательно суть нечто неблагоприятное для общества и неудачи. Это могут быть и успехи, и благоприятные обстоятельства. Среди условий рассматриваемого кризиса следует назвать то, что в послевоенные годы, особенно в годы брежневского правления, в стране произошел колоссальный прогресс сравнительно со сталинским периодом. Это не были годы «черного провала» и «застоя». Среди условий кризиса следует упомянуть прирост населения. Население увеличилось более чем на сто миллионов человек. Никакая западная страна не выдержала бы такую нагрузку, не впад в кризисное состояние по одной этой причине. Прирост населения сопровождался возрастанием доли непроизводительного населения и непомерным ростом его appetitов в отношении материальных благ.

Важнейшую роль в созревании кризиса сыграл тот факт, что человечество пропустило одну очередную мировую войну. Благодаря непомерно затянувшемуся мирному времени внутренние закономерности коммунистического социального строя получили возможность проявить свою неумолимую силу. Но затянувшийся мирный период не был периодом всеобщей любви и дружбы. Он включил в себя «холодную войну», которая по своей силе и ожесточенности может быть поставлена в один ряд с войнами «горячими». Советский Союз вынуждался на непосильные траты и на такие взаимоотношения с окружающим миром, которые истощили его силы и принесли ему репутацию «империи зла». Советское проникновение на Запад было палкой о двух концах: оно непомерно усилило западное проникновение в Советский Союз и страны его блока. Запад стал неотъемлемым фактором внутренней жизни страны, в огромной степени способствовавшим ослаблению защитных механизмов советского общества как общества коммунистического.

Надо, далее, различать возможность кризиса, которая постепенно усиливается в течение многих лет, но до определенной поры остается скрытой, и превращение этой возможности в действительность. Последнее происходит взрывообразно, сравнительно со временем накопления кризиса – внезапно. Те факторы, которые приводят к такому кризисному взрыву, образуют толчок к кризису. В брежневские годы накопились предпосылки для кризиса – созрел потенциальный кризис. Но в действительность он превратился с приходом к высшей власти Горбачева и с началом «перестройки». Горбачевское руководство развязало кризис, дало толчок к нему. Горбачев своей политикой «нажал кнопку», и бомба кризиса взорвалась. Возможно, у горбачевцев было искреннее намерение улучшить положение в стране, но оно реализовалось в таких мерах, которые ускорили и углубили кризис. Процесс вышел из-под контроля властей, превратив их в своих марионеток и навязав им форму поведения, о какой они не помышляли ранее.

Дело обстоит не так, будто в обществе начался кризис, вынудивший власть на определенную политику реформ, а, наоборот, власть начала проводить определенную политику, мотивируя соображениями, ничего общего не имевшими с интересами предотвращения надви-

гавшегося кризиса (об этом вообще не думали), и будучи уверенной в том, что общество будет продолжать жить под ее контролем и следовать ее предначертаниям. Расчет власти оказался ошибочным. Общество, созревшее для кризиса, реагировало на политику власти неожиданным и нежелательным для нее образом. Высшая власть выпустила джина кризиса из бутылки своими нелепыми и безответственными реформами и установками. И сделала хорошую мину при плохой игре: превратившись в марионетку неуправляемого процесса, она стала изображать роль сознательного реформатора общества.

Сущность и форма исторического процесса. В исторических процессах большого масштаба редко бывает так, что их сущность проявляется в адекватной ей форме и очевидным для участников событий и наблюдателей образом. Обычно она бывает скрыта в мешанине множества разнородных явлений и воспринимается людьми в извращенной форме. При этом политика, идеология и пропаганда прилагают титанические усилия к тому, чтобы скрыть сущность процессов и вбить в головы масс ложные представления о них. А в наше время колоссального развития и засилья средств массовой информации, точнее говоря – средств манипулирования массами, идеологически-пропагандистское оболванивание масс вообще стало решающей силой в исторических событиях и в их восприятии людьми.

Сказанное всецело относится к пониманию сущности хрущевского «переворота» в 1956 году, десталинизации страны и перехода к брежневизму. Я неоднократно обращал внимание на то, что оценка брежневского периода как продолжения сталинизма была ошибочной, более того – умышленной идеологической ложью в антисоветской и антикоммунистической пропаганде. Брежневизм был не продолжением сталинизма, а реальной и единственно возможной в тех условиях альтернативой ему. Десталинизация страны означала переход от сталинистского волюнтаризма с системой сверхвласти, стоявшей над партийно-государственным аппаратом, и вождистской организацией управления к приспособленческому режиму с системой сверхвласти в рамках партийного аппарата и партийно-государственной системой управления. Хрущевская попытка сохранить волюнтаристский режим личной диктатуры не удалась. Брежневский режим сложился как своего рода демократия в противовес «тоталитаризму» сталинистского образца. Но конкретно-исторические обстоятельства скрыли суть этого перелома, а идеология и пропаганда (как советская, так и западная) сделали все, чтобы замутить и без того сложную ситуацию.

С первых же дней появления на исторической арене горбачевского руководства я в бесчисленных статьях и интервью, а также в книгах «Горбачевизм», «Кризис коммунизма», «Катастрожка» и «Смута» утверждал и настаиваю на этом до сих пор, что горбачевизм возник как попытка перейти от демократического брежневизма к диктаторскому режиму сталинистского типа. Эта сущность горбачевизма проявилась в стремлении навязать стране насильственным путем сверху такой образ жизни и такое направление эволюции, какого хотело высшее начальство, и создать систему сверхвласти вне партийного аппарата и над ним. Отсюда возня с бесконечными реформами, практически разрушавшими страну, ее экономику, государственность и идеологию, требование чрезвычайных полномочий лично Горбачеву, установление «президентской» системы власти, фактически аналогичной диктаторской, вождистской власти Сталина.

Суть горбачевизма осталась скрытой. В пропаганде все было перевернуто и извращено. Хотя именно так называемые консерваторы объективно выступали как защитники коммунистической демократии (чего не поняли они сами!), горбачевцы приняли ложное обличье борцов против «тоталитаризма» за «подлинную демократию», за приобщение страны к «современной цивилизации» и т. п. На горбачевскую деятельность по насилению страны наложился фактор по имени «Запад». Этот фактор начал играть решающую роль в том, что стало происходить в стране, придав процессу желаемые для него форму и направление.

Результатом политики горбачевских реформ явилось не новое устойчивое состояние общества, а его дальнейшая дестабилизация, превысившая всякие допустимые границы. Плохо ли, хорошо ли, но общественный механизм до этого как-то работал. Его детали были как-то скоординированы. Реформаторская же суэта разрегулировала его окончательно. Горбачевцы вели себя подобно некомпетентным в технике авантюристам, которые хаотически заменяют устаревшие детали в устаревшей машине новыми деталями, игнорируя принципы работы машины как целого. Прибегая к другому образному сравнению, можно сказать, что горбачевское руководство оказалось подобным обезумевшему капитану, который направил свой корабль в минуту опасности на гибельные рифы.

Повторяю, кризис общества еще не есть его крах. Кризисы возникают и как-то преодолеваются. Назревший в Советском Союзе кризис мог быть преодолен средствами этого общества как общества коммунистического. Никакая особая перестройка основ общества не требовалась. Но разразившийся по вине высшего руководства кризис советского общества привел это общество к краху. И решающую роль при этом сыграло поражение СССР в «холодной войне» с Западом.

Страна была ослаблена кризисом. А ее руководители, спасая свою шкуру и репутацию и став послушными марионетками сил Запада, встали на путь предательства интересов своей страны. Они открыли ворота советской крепости врагу. В истории человечества вряд ли было нечто сопоставимое по масштабам с этим предательством.

«Холодная война». Коммунизм с первых же шагов на исторической арене выступил как явление антикапиталистическое. Естественно, он не мог вызвать симпатий у носителей и апологетов капитализма. А после Октябрьской революции 1917 года в России ненависть к нему и страх перед ним стали неременным элементом западной жизни. Советский Союз стал заразительным примером для многих народов мира. В самих западных странах угрожающе росло коммунистическое движение. Реакцией на это явилось возникновение национал-социализма в Германии и фашизма в Италии и Испании, которые на время остановили угрозу внедрения коммунизма на Западе.

Первая военная атака Запада на коммунизм в России имела место уже в 1918–1920 годах. Она провалилась. Лидерам западных стран удалось в ходе Второй мировой войны направить агрессию Германии против Советского Союза. Но попытка разгромить его военным путем и руками Германии не удалась. В результате победы над Германией СССР навязал свой строй странам Восточной Европы и колоссально усилил свое влияние в мире. Укрепились коммунистические партии в Западной Европе. Советский Союз стал превращаться во вторую сверхдержаву планеты с огромным и все растущим военным потенциалом. Угроза мирового коммунизма стала вполне реальной.

Но было бы ошибочно сводить взаимоотношения Запада и коммунистического мира исключительно к противостоянию социальных систем. Россия задолго до революции 1917 года стала сферой колонизации для западных стран. Революция означала, что Запад эту сферу терял. Да и для Гитлера борьба против коммунизма («большевизма») была не столько самоцелью, сколько предлогом для захвата «жизненного пространства» и превращения живущих там людей в рабов нового образца. Победа Советского Союза над Германией и расширение сферы его влияния в мире резко сократили возможности Запада в отношении колонизации планеты. А в перспективе над Западом нависла угроза вообще быть загнанным в свои национальные границы, что было бы равносильно его упадку и даже исторической гибели.

В этой ситуации идея особого рода войны против наступающего коммунизма – идея «холодной войны» – возникла как нечто само собой разумеющееся.

Обычно выражение «холодная война» употребляют как обозначение конфликта между коммунистическим и западным мирами, особенно между США и СССР, начавшегося сразу после окончания Второй мировой войны. Его назвали холодным, поскольку не были вовлечены

вооруженные силы во всю мощь и непосредственно в отношения между противниками. По единодушному признанию политических и идеологических лидеров Запада, «горячая война» с использованием современного оружия была бы безумием. Она привела бы к гибели обоих противников и сделала бы планету вообще непригодной для жизни. К тому же сложилось убеждение, что коммунистические режимы свергнуть военным путем невозможно. Так что «горячая война» ограничилась «малыми» войнами и участием в войнах между другими странами.

Фактически «холодная война» вышла далеко за рамки просто послевоенного конфликта между США и СССР. Она явилась продолжением антисоветской политики лидеров Запада в период между мировыми войнами и войной Германии с ее союзниками против СССР в 1941–1945 годах. По своему размаху она охватила всю планету и все сферы жизни человечества – экономику, политику, дипломатию, идеологию, пропаганду, культуру, спорт, туризм. Использовались все средства воздействия на людей: радио, телевидение, секретные службы, конгрессы, дискуссии, культурный обмен, подкуп, паблицити. Использовались любые поводы, любые уязвимые точки противника, любые человеческие слабости – национальные разногласия, религиозные предрассудки, любопытство, тщеславие, корысть, зависть, критические умонастроения, страх, склонность к приключениям, эгоизм, любовь и т. п. Одним словом, это была, пожалуй, первая в истории человечества глобальная и всеобъемлющая война нового типа.

«Холодная война» не ограничилась сдерживанием советского проникновения в Европу. Она превратилась в борьбу против расползания коммунизма по всей планете. Целью ее стало вообще полное разрушение Советского Союза и всего блока коммунистических стран. Разумеется, это облекалось в идеологическую фразеологию освобождения народов от ига коммунизма, помощи в овладении западными (в первую очередь американскими) ценностями, борьбы за мир и дружбу между народами, за демократические свободы и права человека.

Это была война особого типа, первая в истории человечества «мирная» война. Хотя противники обладали вооружением, каким ранее не обладала ни одна армия, они не пустили его в ход непосредственно друг против друга. Общепринятое объяснение этого факта – применение современного оружия привело бы к гибели обоих противников и к мировой катастрофе. Но когда это было, чтобы в смертельной схватке опасения последствий останавливали врагов?! Американцы все-таки сбросили две атомные бомбы на Японию! Конечно, страх последствий имел место, и он всячески раздувался искусственно. И это само по себе было оружием «холодной войны». Гонка вооружений и политика на грани «горячей войны» были со стороны Запада войной на истощение противника. Советский Союз и его союзники вынуждались на непосильные траты.

Главным оружием в «холодной войне» были средства идеологии, пропаганды и психологии. Запад бросил колоссальные людские силы и материальные средства на идеологическую и психологическую обработку населения Советского Союза и его сателлитов, причем не с добрыми намерениями, а с целью деморализовать людей, оболванить, пробудить и поощрить в них самые низменные чувства и стремления.

Организаторами и исполнителями «холодной войны» ставилась задача атомизировать советское общество идейно, морально и политически. Расшатывать социальные и политические структуры. Лишать массы способности к сопротивлению. Разрушать идейно-психологический иммунитет населения. В качестве средства использовалась мощная пропаганда, переключавшая внимание людей с социальных проблем на секс, интимную сферу кинозвезд и гангстеров, на преступность, извращенные формы удовольствия. Провоцировались и раздувались национальные и религиозные чувства, создавались и навязывались ложные мифы и кумиры.

В эту работу были вовлечены многие десятки (если не сотни) тысяч специалистов и добровольцев, включая агентов секретных служб, университетских профессоров, журналистов,

туристов. Работа велась с учетом опыта прошлого, особенно геббельсовской пропагандистской машины, а также достижений психологии и медицины, особенно психоанализа. Перефразируя слова одного западного социолога, можно сказать, что в «холодной войне» победил не капитализм, а лучшие средства оболванивания людей, действовавшие от его имени.

Опыт этой войны разрушил целый ряд предрассудков, столетиями владевших умами людей. Считалось, например, что народ надолго обмануть невозможно. «Холодная война» дала блестящий пример того, что с современными средствами идеологической обработки людей и манипулирования массами народ легче обмануть, чем отдельного человека, причем обмануть надолго, на любое время, пока есть смысл и средства для этого.

Педантично используя идеологически-психологическое и экономическое оружие в течение сорока лет, не скупясь на баснословные траты, Запад (и главным образом США) полностью деморализовал советское общество, и прежде всего его правящие и привилегированные слои, а также его идеологическую элиту и интеллигенцию. В результате вторая сверхдержава мира капитулировала в течение поразительно короткого времени.

Принято считать, будто поражение СССР и его сателлитов в «холодной войне» доказало несостоятельность коммунистического социального строя и преимущество строя капиталистического. Я считаю это мнение ложным. Поражение коммунистических стран обусловлено сложным комплексом причин, среди которых сыграли свою роль и недостатки коммунистического строя. Но это еще не есть доказательство нежизнеспособности и несостоятельности общественного устройства коммунистического типа. Победа капиталистического Запада точно так же обусловлена сложным комплексом причин, среди которых сыграли свою роль и достоинства капитализма. Но это еще не есть доказательство преимуществ капитализма.

Запад использовал слабости Советского Союза, в том числе дефекты коммунизма. Он использовал также свои преимущества, в том числе достоинства капитализма. Но победа Запада над СССР не была победой капитализма над коммунизмом. «Холодная война» была войной конкретных народов и стран, а не абстрактных социальных систем. Есть немало примеров противоположного характера, которые можно истолковать как «доказательство» преимуществ коммунизма перед капитализмом. Это, например, молниеносная индустриализация Советского Союза, реорганизация промышленности в ходе войны с Германией и победа над ней, а также ситуация в коммунистическом Китае сравнительно с капиталистической Индией. Но и эти примеры ничего не доказывают сами по себе.

Реальное коммунистическое общество существовало слишком короткое время, причем в крайне неблагоприятных условиях, чтобы делать категорические выводы о его несостоятельности. «Холодная война» даже отдаленно не отвечает условиям лабораторного эксперимента. Чтобы сделать вывод о том, что тут капитализм победил коммунизм, нужно было, чтобы противники были одинаковы во всем, кроме социального строя. Ничего подобного в реальности не было. Запад просто превосходил Советский Союз по основным факторам, игравшим решающую роль в этой войне.

Последующее развитие событий показало, что понимание сущности исторического процесса в период «холодной войны» как борьбы двух социальных систем – капитализма и коммунизма – было поверхностным и в конечном счете ошибочным. Тут за сущность процесса приняли его историческую форму. По сути дела, это была борьба Запада за выживание и за господство на планете как необходимое условие выживания. Коммунистическая система в других странах была средством защититься от этих претензий Запада. Коммунистические страны переходили сами к нападению. Но инициатива истории исходила не от них, а от Запада. Она пряталась в глубинах исторического потока, порою скрывалась умышленно. Историческая инициатива не есть программа партий и правительств. Она редко осознается людьми в адекватной ей форме. Коммунизм стал объектом атаки со стороны Запада, поскольку сопротивляющийся Западу и отчасти атакующий его мир принял коммунистическую форму. Он мог

сопротивляться и даже временами побеждать лишь в такой форме. Потому именно на коммунизме сосредоточилось внимание. Кроме того, борьба против коммунизма давала Западу оправдание всему тому, что он предпринимал на планете в эти годы. Поражение коммунистических стран в «холодной войне» лишило Запад этого прикрытия его истинных намерений.

Западнизация. Запад есть социальное образование, занимающее определенное географическое пространство, имеющее определенную структуру и живущее по определенным законам больших объединений людей. Этот социальный великан нуждается в среде существования помимо занимаемой им территории, нуждается в использовании для своего бытия всей остальной планеты. А это становится все труднее и труднее. Во-первых, коммунизм резко сократил «охотничью зону». Во-вторых, появляются другие «охотники», например Япония. В-третьих, прочие страны не очень-то охотно поддаются, они сами хотят пожить, время от времени начинают «брыкаться». В-четвертых, прежние военные методы стали небезопасными для самого Запада. Одним словом, пришлось менять политическую стратегию. Я думаю, что подходящим названием для новой политической стратегии Запада может служить слово «западнизация» (или «вестернизация»). Ниже я охарактеризую ее основные черты.

Западнизация есть стремление Запада сделать другие страны подобными себе по социальному строю, экономике, политической системе, идеологии, психологии и культуре. Идеологически это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, являющего собою вершину развития цивилизации и средоточие всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы, внушает Запад западнизиремым народам, и хотим помочь вам стать тоже свободными, богатыми и счастливыми. Но реальная сущность западнизации не имеет с этим ничего общего.

Цель западнизации – включить другие страны в сферу влияния, власти и эксплуатации Запада. Включить не в роли равномошных и равноправных партнеров – это просто невозможно в силу неравенства фактических сил, – а в роли, какую Запад сочтет нужной ему самому.

Эта роль может удовлетворить какую-то часть граждан западнизиремых стран, да и то на короткое время. Но в общем и целом эта роль второстепенная и подсобная. Запад обладает достаточной мощью, чтобы не допустить появления независимых от него западнообразных стран, угрожающих его господству в отвоеванной им для себя части планеты, а в перспективе – на всей планете.

Западнизация некоторой данной страны не есть просто влияние Запада на эту страну, не просто заимствование отдельных явлений западного образа жизни, не просто использование произведенных на Западе ценностей, не просто поездки на Запад и т. п., а нечто гораздо более глубокое и важное для этой страны. Это перестройка самих основ жизни этой страны, ее социальной организации, системы управления, идеологии, менталитета населения. Эти преобразования делаются не как самоцель, а как средство добиться цели, о которой говорилось выше.

Западнизация не исключает добровольности со стороны западнизиремой страны и даже желания пойти этим путем. Запад именно к этому и стремится, чтобы намеченная жертва сама полезла ему в пасть да еще при этом испытывала бы благодарность. Для этого и существует мощная система соблазнения и идеологической обработки масс. Но при всех обстоятельствах западнизация есть активная операция со стороны Запада, не исключаящая и насилие.

Добровольность со стороны западнизиремой страны еще не означает, что все население единодушно принимает этот путь своей эволюции. Внутри страны происходит борьба между различными категориями граждан за и против западнизации. Последняя не всегда удается, как это случилось, например, в Иране и Вьетнаме.

Вся освободительная и цивилизаторская деятельность Запада в прошлом имела одну цель: завоевание планеты для себя, а не для других, приспособление планеты для своих, а не для чужих интересов. Он преобразовывал свое окружение так, чтобы самим западным странам было удобнее в нем жить. Когда им мешали в этом, они не гнушались никакими средствами.

Их исторический путь в мире был путем насилия, обмана и расправ. Теперь изменились условия в мире. Иным стал Запад. Изменилась его стратегия и тактика. Но суть дела осталась та же. Она и не может быть иной, ибо она есть закон природы. Теперь Запад пропагандирует мирное решение проблем, поскольку военное решение опасно для него самого, а мирные методы создают ему репутацию некоего высшего и справедливого судьи. Но эти мирные методы обладают одной особенностью: они принудительно мирные. Запад обладает огромной экономической, пропагандистской и политической мощью, вполне достаточной для того, чтобы заставить строптивых мирным путем сделать то, что нужно Западу. Как показывает опыт, мирные средства при этом могут быть дополнены военными. Так что как бы западнизация той или иной страны ни начиналась, она перерастает в западнизацию принудительную.

Была разработана также и тактика западнизации. В нее вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнить. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Раскалывать население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизируемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для него в кратчайшие сроки, если его страна встанет на путь преобразований по западным образцам. Заражать его пороками западного общества, изображая пороки как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизируемой стране лишь в той мере, в какой это способствует разрушению ее экономики и делает ее зависимой от Запада, а Западу создает репутацию бескорыстного спасителя западнизируемой страны от зол ее прежнего образа жизни.

«Теплая война». С окончанием «холодной войны» не прекратилась борьба Запада против Советского Союза, а после распада последнего – против России. Я назвал этот новый этап борьбы «теплой войной». Эта война велась и ведется в строгом соответствии с принципами стратегии и тактики западнизации. Она охватила прежде всего сферу идеологии. Говоря о советской идеологии, я здесь имею в виду не марксизм-ленинизм, а суммарное идейное состояние населения страны, в котором марксизм-ленинизм был лишь частью, причем лишь формально главной.

Советским людям со стороны государственной идеологии прививалась негативная картина Запада. Ничего преступного и аморального в этом не было. Это – обычное дело в реальной истории. Ведь и на Западе даже без единой государственной идеологии массам населения прививались и прививаются с удвоенной силой теперь идеологически тенденциозные и ложные представления о Советском Союзе и о коммунистическом обществе вообще. Идеологическое оболванивание западных людей не уступает таковому в коммунистических странах, а во многом превосходит последнее.

В СССР в массе населения всегда процветало низкопоклонство перед Западом. Государственная идеология боролась против него и сдерживала хотя бы формально. С началом кризиса (то есть «перестройки») произошел беспрецедентный перелом в отношении к Западу даже в сфере официальной идеологии. Она ринулась в другую крайность, причем с ведома высшей власти страны, по ее примеру и по ее указаниям. Были сняты запреты на преклонение перед Западом. Советским людям стали с неслыханной силой навязывать позитивный образ Запада и западофилию. В идеологическом оболванивании советского населения в прозападном духе приняли активное участие многочисленные перевертыши, ранее ревностно проводившие установку на западофобию; работники идеологического и пропагандистского аппарата; советские средства массовой информации; советские эмигранты на Западе; советские деятели культуры, добивавшиеся популярности на Западе; советские граждане, побывавшие на Западе и привезшие оттуда дефицитные вещи; представители высшего советского руководства. Свой огром-

ный вклад в это внесла западная пропаганда. Ей не только перестали чинить препятствия, но и стали всячески помогать. Многие лица, занимавшиеся активной антисоветской и антикоммунистической пропагандой, стали почетными гостями в Советском Союзе. Их начали печатать в советской прессе. На них стали ссылаться как на авторитеты, причем даже высшие лица руководства. К ним обращались за советами, какие меры надо принимать, чтобы быстрее разрушить все советское и уподобиться Западу.

Официальная советская идеология обнаружила полную неспособность отстаивать положительные достижения своего общественного строя и критиковать дефекты западного, оказалась неподготовленной к массовой идеологической атаке со стороны Запада. В стране началась идеологическая паника. Появились идеологические дезертиры, предатели, перевертыши. Идеологические генералы начали перебегать к противнику. Развернулась беспрецедентная оргия очернения всего, что касалось советской истории, советского социального строя и коммунизма вообще.

Идеологический перелом не ограничился сферой сознания. Новая идеология («новое мышление») стала внедряться в практику. Начав с серии бессмысленных насильственных реформ и потерпев на этом пути банкротство, советское руководство встало, в конце концов, на путь насильственной западнизации страны, принялось насаждать западные политические формы и социальные отношения. В языке пропаганды их называли рыночной экономикой и демократией. Подчеркиваю искусственный и насильственный характер этих преобразований. В Советском Союзе до этого не созрели и не могли созреть в принципе никакие предпосылки для перехода к капиталистическим социальным отношениям и к соответствующим им политическим формам. В массе населения не было никакой потребности в переходе к капитализму. Об этом мечтали лишь преступники из «теневого сектора», отдельные диссиденты, скрытые враги и часть представителей привилегированных слоев, накопившая богатства и хотевшая их легализации. Начавшийся позднее энтузиазм по поводу ломки всего советского был результатом новой, антисоветской и антикоммунистической пропаганды и массового помутнения умов, а в верхах власти – просто желанием угодить западным хозяевам, без поддержки которых они давно были бы выброшены на помойку истории.

Как сказал один западный социолог, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к коммунизму, в этом переломе победу одержал не капитализм, а лучшая пропаганда, которая велась от его имени.

Результаты насильственной западнизации СССР не замедлили сказаться. Начался стремительный распад всех основ советского общества.

Стала разваливаться экономика, деградировать культура, разлагаться моральное и психологическое состояние широких слоев населения. Под предлогом борьбы с якобы преступным коммунизмом и за роспуск КПСС была буквально разгромлена вся система государственности. Распался Советский Союз. Страна покрылась сетью кровавых конфликтов. Расцвела преступность. Разрушены все лучшие достижения советской истории, доставшиеся ценой невероятных усилий миллионов людей в течение многих десятилетий. Началось такое разграбление богатств страны, какого не позволяли себе победители в войнах прошлого с побежденной страной. «Теплая война» вступила в завершающую фазу – в фазу превращения России в колониальную демократию.

Колониальная демократия. Западнизация есть особая форма колонизации, в результате которой в колонизируемой стране создается социально-политический строй колониальной демократии (по моей терминологии). По ряду признаков это суть продолжение прежней колониальной стратегии западноевропейских стран, особенно Великобритании. Но в целом это – новое явление, характерное для современности. Изобретателем его можно с полным правом считать США.

Колониальная демократия не есть результат естественной эволюции колонизируемой страны в силу внутренних условий и закономерностей ее социально-политического строя. Она есть нечто искусственное, навязанное этой стране извне и вопреки ее исторически сложившимся тенденциям эволюции. Она поддерживается методами колониализма. При этом колонизируемая страна вырывается из ее прежних международных связей. Это достигается путем разрушения блоков стран, а также путем дезинтеграции больших стран, как это имело место с советским блоком, Советским Союзом и Югославией.

За вырванной из прежних связей страной сохраняется видимость суверенитета. С ней устанавливаются отношения как с якобы равноправным партнером. Для значительной части населения сохраняются какие-то элементы предшествующих форм жизни. Создаются очаги экономики якобы западного образца под контролем западных банков и концернов, а также как явно западные или совместные предприятия. Я выше употребил слово «якобы», так как эти очаги экономики суть лишь имитация современной западной экономики.

Стране навязываются внешние атрибуты западной политической системы – многопартийность, парламент, свободные выборы, президент и т. п. Но они тут служат лишь прикрытием режима совсем не демократического, а скорее диктаторского («авторитарного»). Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначительной части населения, наживающейся за счет этой ее функции. Эти люди имеют высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым самых богатых слоев Запада.

Колонизируемая страна доводится до такого состояния, что становится неспособной на самостоятельное существование. В военном отношении она демилитаризируется настолько, что ни о каком сопротивлении и речи быть не может. Вооруженные силы сохраняются лишь для того, чтобы сдерживать протесты населения и попытки оппозиции изменить ситуацию.

До жалкого уровня низводится национальная культура. Место ее занимают самые примитивные образцы западной культуры, вернее, псевдокультуры Запада. Массам населения представляется суррогат демократии в виде распушенности, ослабленного контроля со стороны властей, доступные развлечения, система ценностей, избавляющая людей от усилий над собой и от моральных ограничений.

Нужно быть слепым, чтобы не замечать, что Россию нынешние ее правители усиленно толкают на путь колониальной демократии. И нужно быть врагом своего народа и предателем Родины, чтобы изображать этот процесс как благо для народа. Россия никогда и ни при каких обстоятельствах не превратится в страну, аналогичную странам Запада и равноценную им в этом качестве, не станет частью Запада. Это исключено в силу ее географических, исторических и современных международных условий, а также в силу характера образующих ее народов.

Утверждая это, я не становлюсь на сторону проповедников теории исключительности судьбы России. Я утверждаю, что исключительной является историческая судьба Запада, а не России. Западный тип общественного устройства (капитализм и демократия) дал положительные результаты лишь в немногих странах мира, а именно лишь в странах Запада с определенным человеческим материалом. Для подавляющего большинства народов планеты он оказался либо гибельным, либо обрек их на роль придатков и сферы колонизации Запада. Россия уже сыграла исключительную роль в истории человечества, создав коммунистический социальный строй, который на некоторое время позволил ей сохранить независимость от Запада и вдохновил другие народы на это. Теперь Россия эту роль утратила, возможно, навсегда. Теперь Запад просто не допустит, чтобы в мире появился мощный западообразный конкурент на мировых рынках в лице России. Россия нужна Западу не как партнер в дележе мира, а лишь как зона дележа. Русским в планах Запада уготована судьба, аналогичная судьбе незападных народов, то есть судьба заурядная и позорная для бывшей великой страны и второй сверхдержавы планеты.

Может ли Россия избежать такой участи? Возможности у нее для этого невелики, но исключать их полностью было бы ошибочно. И главное, на мой взгляд, условие для этого – осознать с полной и беспощадной ясностью то, в каком положении она оказалась и по какой причине. В России же ощущается страх перед такой ясностью. Ничем не сдерживаемое словоблудие заполонило всю интеллектуальную сферу общества. Люди боятся признаться себе в том, что совершили беспрецедентную в истории глупость, поддавшись добровольно влиянию реформаторов и их западных наставников, и боятся высказать это вслух. В этом страхе кроется, на мой взгляд, главное препятствие для реализации возможности, о которой я сказал выше.

Москва, 1993

Завершение русской контрреволюции

О событиях 3–4 октября 1993 года в России пишут очень мало, а на Западе и вообще ничего. Их замалчивают, игнорируют или занижают до уровня некоего приведения к порядку уголовных преступников. Зато о событиях августа 1991 года не перестают говорить. Это смещение внимания не случайно. Августовские события 91-го года дают больше оснований изображать эволюцию российского общества после 1985 года как некое освобождение от коммунистического ада и как переход к демократическому раю западного образца. Октябрьские же события 93-го года в любой интерпретации заставляют сомневаться в правдивости официальной информации о них. Что бы о них ни говорили, факт остается фактом: мощные вооруженные силы совместно с частями особого назначения утопили в крови горстку невооруженных людей, а в приступе оплаченного рвения заодно побили множество подвернувшихся под руку случайных граждан. Первые события создают извращенное представление о переломе в русской истории после 1985 года. Вторые же вольно или невольно разоблачают сущность этого перелома, а также неприглядную роль в нем Запада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.